

Планета Ган, или Исповедь молодого офицера

Чен Ганский

Чен Ганский

**Планета Ган, или Исповедь
молодого офицера**

«Автор»

2024

Ганский Ч.

Планета Ган, или Исповедь молодого офицера / Ч. Ганский —
«Автор», 2024

ISBN 978-5-532-90690-7

Дальний гарнизон на окраинах Советского Союза - планета со своим укладом, нравами, несчастьями и радостями и лицемерием. Любовь! Но он женат, она - замужем. Через какие препятствия приходится пройти влюблённым в замкнутом пространстве планеты. Поиск выхода, терзания совести и муки любви. Поиски ответов на многие вопросы.

ISBN 978-5-532-90690-7

© Ганский Ч., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Планета Ган	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Чен Ганский
Планета Ган, или Исповедь
молодого офицера

Планета Ган

или исповедь молодого офицера

*«Мне надо на кого-нибудь молиться.
Подумайте – простому муравью
Вдруг захотелось в ноженьки валиться,
Поверить в очарованность свою!»
Б. Окуджава*

ПРОЛОГ

Эта история произошла очень давно. Меня тогда, по воле случая, судьба забросила в отдалённый гарнизон. Всё, о чём я написал, происходило на самом деле, на моих глазах. Мало того – я был, даже некоторым образом, дружен с героями этой повести. Некоторые белые пятна в биографиях я дополнил, основываясь на отрывочных воспоминаниях моих героев. Конец этой истории я узнал совсем недавно и, представьте себе, совершенно случайно, встретив своего однополчанина, также знакомого с некоторыми участниками этой истории, – мы вместе служили на этой планете. И он мне поведал трагический конец необыкновенной любви, что меня и подвигло к написанию. И только теперь, по прошествии времени, зная точно, что многих из её участников уже нет в живых, я, тем не менее, изменив имена и фамилии, решился её написать. Могут быть случайные совпадения.

Глава 1

ТИХИЙ ОМУТ

Маленькая, затерянная где-то во вселенной, эта удивительная планета двигалась по своей, особой, орбите. Наверняка, в бесконечной вселенной найдётся ещё не один десяток подобных, но то, что произошло на этой... Едва ли может повториться где-либо ещё.

Там было всё особое: и то, что среди пустынной степи на высоком берегу реки вдруг появился этот зелёный оазис, и вырос небольшой Городок. На этой песчаной планете, когда вокруг всё сгорало от палящего солнца и степь, зеленеющая и цветущая весной, в считанные недели выгорала до желтизны, сливаясь с песком, и уже представляла собой очень унылое зрелище, – Городок выглядел ярким зелёным островом, – землёй обетованной.

Вдоль тротуаров росли тополя, посаженные ещё первыми поселенцами. И теперь, спустя чуть более четверти века, они выглядели исполинами подпирающими небо. Зелень и разнообразие цветов на газонах радовала глаз, – особенно, попавшему со степи, – благодаря системе орошения, которая маленькими фонтанчиками увлажняла не только почву, но и воздух.

Она создавала свой особый микроклимат и частично защищала от песчаных бурь. Ухоженный вид Городку придавали побеленные деревья и придорожные бордюры, чисто выметенных тротуаров, среди свежеекрашенных в светлый беж старых домов и белокаменных новых пятиэтажек.

Жизнь в Городке текла тихо и однообразно, кому-то могла показаться даже унылой: не баловала изобилием развлечений. И всяк сюда попавший понимал, что это не Лас-Вегас.

Людей, приехавших по собственной воле, здесь не было. Потому как они направлялись сюда для выполнения серьёзной мужской работы по защите своей планеты и всей Земли. Возложенная на них миссия, а вместе с ней и ответственность позволяла порой пренебрегать такими мелочами, как, например, – строгая мораль. Плановых ротаций войск с этой планеты не предусматривалось, в принципе.

Ещё была одна удивительная особенность этой маленькой планеты, с коротким названием – Ган – это то, что, по каким-то, необъяснимым наукой причинам, то ли в результате искривления пространства и времени, изменённой гравитации, то ли повышенной радиации, или высокой скорости движения планеты, может быть; но имена людей попавших сюда трансформировались в очень короткие, сжатые до трёх, редко – четырёх букв. Например: мужские – Боб, Лекс, Орис, Рис; женские – Ева, Ива, Пава, Лера и так далее.

Была ещё одна версия, но это вряд ли: имена искажались не сами по себе, а умышленно – органами государственной безопасности, чтобы внести сумятицу и неразбериху в разведанные наших врагов. А их вокруг планеты было не мало, как однажды в приватной беседе сообщил мне куратор ГБ.

Народ, населяющий планету, был, в большинстве своём, молодой. Возрастная градация здесь была тоже особая, своя. На людей, которым было немного за сорок, смотрели с уважением, как на очень пожилых, почти дедов. Но их было немного. Это те, кто отслужил положенный срок и вышли в запас. Они жили в ожидании перемещения в квартиры на большой земле.

Описываемые события относятся к периоду, когда атеизм, как государственная идеология и идеалы коммунизма доживали свои последние дни.

Социальное устройство чем-то напоминало общежитие. Все жили большой дружной семьёй. Вровень, скромно. По выходным, вечерами, молодёжь собиралась в Гарнизонном Доме Офицеров, которое называли просто, по аббревиатуре – ГДО.

Здание было построено с размахом, фасад напоминал театральное строение. С высоким фронтоном, украшенным лепным барельефом символов армии, и стройными высокими белоснежными колоннами, поддерживающими этот фронтон. Капители были декорированы лепниной.

Высокое, – в несколько гранитных ступеней – крыльцо придавали зданию почти величественный вид. Внутри – танцевальный зал, где устраивались дискотеки. Для проведения гарнизонных торжественных собраний существовал конференц-зал. Был и бильярдный зал, работал он вечерами или по выходным.

Несколько раз в год в жизнь Городка вливалась свежая струя – прилетали с концертами столичные звёзды. Это на какое-то время взбадривало дремотное состояние планеты и, конечно, давало обильную пищу «кумушкам» для оживлённого обсуждения этого события. Стоя в очередях, в продмаге, только и разговоров было о нарядах, причёсках, макияже и поведении столичных див.

Работал в ГДО и кинозал. Иногда завозили иностранные фильмы, они пользовались особой популярностью. Однажды привезли даже итальянский, эротический. Билеты распределяли по эскадрильям, и там, замполиты выбирали самых морально устойчивых и допускали на просмотр фильма. Что не могло не послужить поводом для многочисленных шуточек. Молодёжь, что взять, народ весёлый.

Всё мужское, а частично и женское, население работало на аэродроме. В самом же Городке рабочих мест для жён офицеров было не так много. Школа, почта, несколько магазинов. На всех желающих мест не хватало. Да, собственно, и Городок-то существовал только благодаря аэродрому.

Кто выполнял лётную работу, кто обслуживал и ремонтировал самолёты, кто занимался материально – техническим и радио-техническим обеспечением полётов, а кто-то обеспечивал противовоздушную защиту аэродрома и Городка. А также – складов вооружения и боеприпасов.

Таких аэродромов и таких самолётов в СССР было немного – дальний стратегический ракетносец – серьёзное оружие. Мог оснащаться ракетами с ядерными головками. Были, конечно, специальные части, которые занимались этими боеприпасами. Связь с Землёй обеспечивала транспортная авиация, которая базировалась здесь же.

В авиации всегда лётный состав считается «белой костью». Все прочие, как бы «второй сорт». Но здесь было всё по-другому. Никто не различал друг друга ни по рангам, ни по чинам, ни по «цвету кости». Было это следствием оторванности от «большой земли», ограниченности и замкнутости пространства и специфики службы в авиации.

В случае чего за помощью обратиться было не к кому, только если к соседу по дому, а чаще – по гаражу. И служебный статус здесь значения не имел. Сегодня не протянул руку помощи ты, а завтра останешься один на один со своей проблемой.

Кому крышу на доме подремонтировать, кому гараж построить. Собирали друзей, соседей, коллег. Работа шла споро, весело, с шутками-прибаутками, с анекдотами. Так со смехом до вечера и завершали намеченное.

А жёны, тем временем, совместными усилиями готовили работникам еду. «Виновник» выкатывал «бадю» спирта или коньяка, – с южных окраин, – накрывалась «поляна» и гуляли, чуть не до утра, с музыкой, песнями под гитару, с танцами-обжиманцами. Молодые, здоровые, крепкие и усталость им ни почём.

В свободное от службы время, кто не подсел на стакан, занимались либо рыбалкой, либо охотой, а большинство и тем и другим. Гаражная жизнь в Городке была очень оживлённая,

можно даже сказать – бурлила. Кто-то держал гараж в качестве укрытия от жен, так сказать – личное пространство, где спокойно можно посидеть с друзьями или соседом за стаканом «чая», за игрой в карты, нарды (шеш-беи), шахматы.

Правда, порой случались эксцессы с жёнами. Можно было наблюдать, как особо нервные не выдерживали и шумно устраивали разгон мужу и его пьяной компании с битьём посуды, громкими криками. Но это были единичные и крайне редкие случаи. В основном там царил мир и благодущие.

Стол, диван, кухонная мебель с посудой. Кто-то приобретал гараж только из-за погреба: там хранилось столько, всего, что и не перечесть – соленья, овощи, арбузы, дыни, яблоки, бочка солёной стерляди, сало в банках, а у кого-то, кому повезло быть приближенным к источнику, и фляга со спиртом.

Кто-то по-хозяйски обустроивал рабочее место. Верстаки были оборудованы, как в образцовых слесарных мастерских. Здесь тебе и тиски, и заточный станок, и сварочный аппарат, собственного изготовления, и стол с отрезным кругом. Не говоря уже о наборе напильников, лерок, метчиков и прочих слесарных инструментов необходимых в хозяйстве.

Алкоголя в продмагах не было. Да и кому он нужен, когда с аэродрома всегда можно было принести бутылку спирта, немного сэкономив на протирке контактов, а транспортные борта, периодически летая на Кавказ, доставляли, желаящим, коньяк в канистрах. А после вступления в силу Горбачёвского – тупого и, даже вредного, – сухого закона, кто-то в гаражах начал по-тихому гнать самогон.

В короткое межсезонье готовились к промыслу зверя и рыбы. Отливали дробь с помощью простейших, изготовленных здесь же, – в гаражах, – приспособлений – дроболеек. Заряжали патроны, делали остроги, плели сети, «телевизоры» для подлёдной ловли чебака – местное название ельца, маленькой, но очень почитаемой рыбки, за свои высокие гастрономические качества.

У подавляющего большинства семей имелись участки земли, на которых выращивали овощи и немного фруктов. Но так как климат был суровый – очень сухой и жаркий, то земля требовала полива, иначе всё было бы бесполезно: сгорало бы под палящими лучами тамошнего солнца.

Сначала – это было женским хобби. Вечная тяга человека к земле. Желание что-нибудь вырастить своими руками живёт в подавляющем большинстве людей извечно. Может быть ещё с тех времён, когда наши пращурь, для выживания, занимались земледелием.

Скважины бурились, вручную, самодельными бурами. Благо водоносный слой проходил на небольшой глубине, семь – десять метров. Здесь же в гаражах делались ручные поливные насосы – «качки», от слова «качать».

Конец лета. Пора заготовок в зиму. Некоторую часть овощей приносил свой огород, но большая – закупалась в колхозе на том, низком, берегу реки и являлся ближайшим спутником планеты. Максимально приближаясь один раз в году – в период зимних заготовок.

Болгарский перец, баклажаны, помидоры, огурцы выписывались в управлении колхоза и собирались прямо с поля. Всё стоило копейки. Только не ленись. Потом до полночи всё это засаливалось, парилось, жарилось, стерилизовалось и закатывалось. Позже, с соседом обсуждали:

– Привет, Аньч! Вчера ночью часа в два шёл с рыбалки, а у тебя свет горит. Что, бессонница мучает?

– Да, какое там, скажешь тоже – бессонница. Вчера с утра сгонял на ту сторону, полную лодку припёр. Баклажаны, перцы, огурцы, помидоры. А потом «бессонница», как ты говоришь: до трёх ночи со своей всё это перерабатывали. Упахались вусмерть. Но зато зимой в подвальчик нырнул и, пожалуйста... Закусон всегда под рукой. Моя, какой-то новый рецепт пробовала. Баклажаны мариновала. Как будут готовы – угощу.

В ответ сосед поинтересовался:

– А сколько помидоров накрутил?

– Да, хрен его знает, Илич. Не помню, пойдём глянем, приглашаю на экскурсию, – важно отвечает тот.

Вместе спускаются в погреб.

– Ничего себе! Ну, ты, Аньч, буржуй, – восклицал изумлённый сосед, – пойду своей вставлю трандюлей, чтоб не ленилась. – Молодцы! Нечего сказать. – по-доброму завидуя, нахваливал сосед. – А это, что у тебя в маленьких банках? – поинтересовался он.

– Илич, а эта штука называется – хреновина. Помидоры, хрен, чеснок пропускаешь через мясорубку и что-то ещё моя для остроты добавляет. Я сильно не вникал, но приправа – зверь. Под мясо или под холодец – чудо, как хороша! – пояснил сосед.

– Я тоже пытался хрен молоть в мясорубке, да глаза аж выедаёт, слёзы ручьём, – пожаловался Илич и спросил, – А вы как спасаетесь?

– Да легко! – живо откликнулся Аньч, – целлофановый пакет надеваю и всё! Никаких проблем.

– Вот, ёксель-моксель, а я не сообразил. Спасибо, попробую, – благодарно отозвался Илич.

Через несколько дней соседи опять встретились. Разговор начал Илич:

– Привет, сосед! Вчера затеяли мы со своей «хреновину» накрутить. Одел пакет, как ты посоветовал, и давай молоть. Пакет запотел, дышать нечем – ничего не получается, начал жаловаться тот, – ты что?..

Аньч сразу догадался, что произошло и спазмы смеха не дали ему дослушать печальную повесть соседа. Он схватился за живот и давился смехом. Илич обиженно, и даже зло, проговорил:

– Ты, чего ржёшь как конь? Совсем не смешно! Если чего-то не то сделал, так подскажи, а нечего ржать, – закончил тот.

Сосед с трудом смог унять, по истине гомерический, смех и ещё не до конца отдышавшись пояснил:

– Прости, Илич, давно так не смеялся! Пакет-то не на голову одевать надо было, а на мя-со-руб-ку, – опять переходя на смех, закончил тот.

Когда Илич осознал свою ошибку, он на несколько секунд растерялся и впал в ступор, от неожиданности, но потом разразился гневной тирадой в свой адрес:

– О, блин, вот ёксель-моксель! Надо же быть таким тупым, – откровенно сознался он, – а я уже, грешным делом, подумал, что ты подишутил надо мной. Хотел отчитать тебя за это. Извини. – покаянно закончил он.

И сам не выдержал: смех охватил и его: на столько заразительно смеялся сосед.

На противоположный берег реки можно было перебраться только на "межпланетном челноке" – колхозном пароме. Похожие, что такие ещё и по сей день, ходят по далёким сибирским рекам. Интенсивность его работы в период сбора грибов и заготовки овощей, что собственно совпадает по времени, очень высокая. Особенно в выходные дни, на паром выстраивались очереди. Тариф был щадящий и зависел от размеров транспорта.

Погрузкой руководил начальник «челнока» – пожилой, насквозь прокопчённый, как выхлопное сопло его водомёта, воняющий соляжкой, абориген. После того как платформа полностью заполнялась, он лихо запрыгивал в свой маленький водомётный катерок и давал команду: «Отшвартоваться».

Катер, натужно рыча стареньким дизелем, натягивал троса, связывающие его с паромом, и всем корпусом, дрожая от натуги, тащил через реку свою тяжёлую ношу. Кому не хватило места ждали следующего рейса. Минут через десять – пятнадцать паромщик делает виртуозный манёвр и филигранно подводит платформу к причалу на том берегу.

Всё движение "челнока" осуществлялось по мере необходимости. Если желающих воспользоваться его услугами не было, то паромщик дремал на тёплом галечном берегу, раскинув ноги и руки, как тот гоголевский казак; или рыбачил – на удочку ловил ельцов.

Пойма реки, в это время, изобиловала грибами, – преимущественно – подосиновиками и белыми груздями. Сначала лета и до осени ловилась стерлядь. Когда-то, много лет назад, ввели запрет на ловлю этой рыбы. Запрет вводили на пять лет, но, как это часто бывает, уже много раз по пять минуло, а отмены всё нет. Река была полна стерляди. Иногда попадались и осётры.

Ночами, несмотря на запрет и бдения рыб инспекции, шла добыча этой ценной рыбы, преимущественно – сетями. Ловили её и страшными самоловами, и, крайне редко, законными снастями, – на удочку.

Сорвиголовы умудрялись ставить и проверять самоловы на резиновых лодках. Варварское орудие лова было опасно не только для рыбы, но и, не менее опасно, для человека. Были случаи, гибели купающийся, если кто попал в обрывки самолов, брошенных или сорванных с якоря крупной рыбой или ледоходом – выбраться, из цепких страшных объятий, шансов не было – люди тонули.

Утопленников находили с самоловными крючьями в теле. Каждый год река забирала двух – трёх молодых, чрезмерно уверенных в себе ребят. Кто зачем, кто с перепоя, а кто по неосторожности лез в воду.

Поэтому в незнакомых местах и выпивши купаться не рекомендовалось, если жизнь дорога. Река не прощала пренебрежительного отношения к себе. Но были и мелкие, тихие заводи, где купались дети. Там их, как и везде, называли лягушатниками. Был и общий пляж, где, утомлённый жарой, народ мог освежиться не опасаясь за свою жизнь. Вода в реке, невзирая на жару, всегда была студёная.

Стоят крючья с поплавками на течении у дна. Двигаются в такт со струёй, пошевеливаются. Стерлядка, проплывая, хвостиком вильнёт, бочком заденет страшный крюк – он уже и впился острой иглой в панцирь рыбки.

Пойманная стерлядь быстро засыпает и становится не пригодна в пищу: снулую стерлядку выбрасывают и поэтому проверять снасти требуется регулярно. Прозевал момент ледостава – пиши пропало: вмерзнет в лёд, а в ледоход изорвёт. Стерлядь, как и спирт, была самой устойчивой валютой на планете. Деньгами никто не брал.

Был у командира личный браконьер по имени Квак. Перед приездом комиссии он ставил ему задачу: обеспечить гостей стерлядью. Не выполнить наказ означало попасть в немилость, а это было чревато лишения многих маленьких льгот и послаблений.

И тот, на своей маленькой резиновой лодке – «Ньрке» (назовут же...) ставил, а затем, естественно, и проверял самолов, обеспечивая начальству деликатес. Руки Квака редко были без свежих ран от колючек стерляди и от крючьев самолова.

Было в Городке и несколько, по истине, умельцев на все руки. «Кулибины» колдовали над своими детищами исключительно с одной единственной целью – создать «аппарат» для охоты, который позволял бы им передвигаться по заснеженной степи.

Всё своё свободное время они проводили в гаражах. «Ни гараж, а дом родной» – ругались жёны. И верно: там было всё для комфортной работы. Обогреватель, работающий на «халявной» соляре, две цистерны, закопанные в земле, достались в наследство от ушедшей части ПВО и, ни кем не охраняемые, они служили неиссякаемым источником дизельного топлива для отопления гаража. Чайник да электроплитка – вот не хитрый кухонный набор, чтобы не тратить ценное время на переходы домой и обратно.

Эти аппараты делались годами. После окончания сезона зимней охоты они опять доделывались, усовершенствовались, модернизировались, доводились до совершенства. Некоторые из этих снегоходов были сделаны с тёплыми кабинами, оборудованы обогревателями и могли в автономном режиме находиться в степи по несколько дней.

Но порой создавалось впечатление, что результат работы не всем был так уж важен: чтобы не спиться надо было придумать себе серьёзное занятие, и люди «рукастые» находили утешение в этом занятии. На протяжении многих лет они были увлечены конструированием и работой.

А кто-то беспробудно предавался дружбе с Бахусом. У каждого своя стезя и своя слава.

Жил на планете бывший прапорщик – Стас. Личность легендарная. Первый раз он снискал славу, когда ночью в степи застрелил несколько баранов. Был пойман. Уголовное дело заводить не стали, потому что всех убиенных вернул хозяину. А вот ружьё изъяли, при задержании, как браконьерское орудие.

Но был «Суд чести». А вот там, со службы Стаса, и выперли. Собранию он заявил, что ошибся, увидел – глаза горят в свете фары, испугался, подумал, – волки. Пришлось отстреливаться.

Конечно, никто ему в эту сказку не поверил. Многие из присутствующих сами гоняли по степи с ружьями. Их не проведёшь: отличить хищного зверя от барана было не то, что не трудно, а перепутать – невозможно. Опять же, при условии, если только Стас был не пьян, что мало вероятно, учитывая его склонность.

Эта история несколько раз облетела Городок, вызывая всеобщий смех, и принесла Стасу неувядаемую славу. Деваться ему было некуда: на квартиру, – на Земле, – он не заслужил. После суда чести лишился такого права. А вот в местной котельной пригодился. Где-то там были у него друзья, с кем-то же он делил свою горькую долю? Скорее – заливал.

И был у него старенький, но, как верный конь, преданный своему хозяину, ИЖ-Юпитер. В каком бы состоянии Стас не был, он всегда довозил его до ворот гаража. Потом, наверное, терпеть от своего хозяина запах алкогольного выхлопа он не желал, и, с сознанием выполненного долга, скидывал Стаса под стенами гаража. Где его и находили сердобольные соседи и затаскивали в гараж на койку, знали – ключи от гаража у Стаса всегда в правом кармане куртки.

Так было и в этот раз, всё как обычно: Стас свалился у гаража в снег. Было темно и очень морозно и замёрз бы до смерти: никого из соседей рядом не оказалось. Но не зря говорится: – везёт дуракам и пьяницам. Муж с женой пришли в гараж в погреб за овощами и обнаружили тушу Стаса, лежащего подле ворот своего гаража, рядом со своим верным «конём».

Деваться некуда. Надо спасать человека. Погрузили тушку на детские санки со спинкой и потащили домой. Жена толкала и придерживала, чтобы не свалился, – муж тащил. С трудом затащили тело в подъезд, – благо – первый этаж, – прислонили к двери, позвонили.

Дверь открыла взрослая дочь. Вместе с открывшейся внутрь дверью, в квартиру свалился и хозяин. Плашмя, как полено, грохнулся мордой об пол. На что Дочь радостно воскликнула:

– Ой, мама! Смотри! Папа пришёл.

Второй раз Стас поразил всех ещё более удивительным образом. На какое-то время он пропал, долго не появлялся. О нём уже стали забывать. Тем более, что в жизни планеты обозначились неприятные перемены. У каждого своих хлопот хватало.

И вдруг, спустя какое-то время, кто-то из соседей столкнулся со Стасом у гаража. Но, что это? – его просто не узнать. Сосед опешил: всегда торчащие во все стороны соломенные волосы, теперь были аккуратно пострижены и причёсаны. Засаленную драную технарскую куртку, военную застиранную рубашку и стоптанные, потерявшие цвет и вид, башмаки Стас сменил на костюм-тройку, свежую кремовую рубашку, галстук, новые туфли и...привычную сутулость на царственную осанку.

На вопрос соседа:

– Что случилось, Стас? Сам на себя не похож.

Он грустно ответил:

– Уезжаем мы. В Литве власть сменилась. У отца было поместье. Так нам его теперь по закону возвращают.

«Вот так вот! – подумал сосед, – оказывается Стас голубых кровей – то ли маркиз, то ли граф. А мы-то, лапотники, не распознали тонкую аристократическую душу». Так и уехал принимать свой родовой замок. Больше никто о нём ничего не слышал.

В последнее воскресенье августа начиналась утиная охота. Открывался сезон на водоплавающую дичь. Для истинных охотников это был праздник, долгожданный день официального открытия охоты. Оказывается запретный плод не всегда сладок – браконьерить тоже надоедает. Начальство шло навстречу таким благородным порывам, и, по мере возможности, освобождало со службы пораньше.

Уезжали с вечера, чтобы подготовить скрадки в прибрежных кустах у плёсов. Куда ожидался прилёт птицы. Посидеть с друзьями у костра за рюмкой, а чуть свет занять свой скрадок и ждать утиного лёта.

После утренней охоты выбирали несколько самых упитанных. Перья обдирали вместе со шкурой, потрошили, резали на крупные куски и в котёл. Позже сыпались специи и картошка. Готовилась охотничья шурпа. Картошка разваривалась, образуя жижику на утином бульоне.

Аромат шёл такой, что мог любого свалить с ног без водки. Ноги так и подгибались. Это вкуснейшее варево под рюмку было кульминацией открытия. В Городок возвращались под вечер полевыми дорогами, дабы избежать ненужных встреч с автоинспекцией.

Но никакая утиная охота не могла сравниться с ночными гонками по степи.

Осень на планете обычно сухая, тёплая, но короткая. Переход к зиме очень быстротечен. Зима, приближаясь уверенной поступью, уже не отступает. Первых заморозков ждали с нетерпением все.

На реке шло повальное браконьерство – взрослые охотились с острогами на налима, а пацаны, подражая взрослым, кололи кухонными вилками, раков и толстых упитанных пескарей, которые плотно набивались под тонкий лёд первых заберегов.

Тёмными осенними вечерами весь берег реки светился прерывистыми, блуждающими огнями, будто огни Святого Эльма перед бурей на такелаже корабля.

С началом осенних заморозков, когда степной зверь менял свой летний тонкий мех на красивый, – с плотным подшёрстком, – зимний – начиналась «главная» охота.

Те, у кого был транспорт, преимущественно, – это были тяжёлые мотоциклы, – типа «Урал», давным-давно скопированный с немецкого БМВ, – объединялись в экипажи со стрелками и выезжали под покровом ночи на добычу. Никого не останавливало то, что это чистойшей воды злостное браконьерство, нарушение закона. «Безумству храбрых поём мы славу!» А.М. Горький.

Не гнушались этим и начальники. При этом использование служебного УАЗика не считалось зазорным. Начальство, как правило, выезжало недалеко от Городка погонять зайчика.

Однако серьёзной охотой занимались далеко не все. Основным объектом была лиса, иногда попадался корсак – это степная разновидность лисы. Он мельче, зато уши и лапы длиннее. Чтобы, наверное, лучше слышать и быстрее бегать.

Когда он, подгоняемый страхом, вытянувшись в струну и часто перебирая своими длинными конечностями, мчится наутёк от преследователей – кажется, что он не бежит, а летит над землёй.

Редко кому удавалось похвалиться успешным завершением этой погони: скорость до семидесяти километров в час, – попробуй догони. Но, тем не менее – шапки из корсака были не редкость.

Такая охота была сопряжена со многими рисками, даже – жизнью. Только бесстрашным авантюристам, «охотникам за удачей» была по нраву такая "игра". Попутно решался вопрос продовольственный – зайчатиной никто не пренебрегал и, попавшемуся в луч фары, зайцу доставался заряд дроби.

Для успешной охоты необходимо было хорошо ориентироваться на местности по звёздам. Виртуозно управлять мотоциклом и метко стрелять. У браконьеров действовал «железный» принцип, обусловленный строгостью Закона, – ночью в степи друзей нет.

Если вдруг, где-то во тьме мелькал свет, – выключалось всё, что только может демаскировать экипаж и какое-то время стояли в темноте, наблюдая за направлением движения случайной машины. Поди разбери – конкуренты или инспекция. К чему глупая бравада. Цена глупости могла быть высока. Вплоть до конфискации транспортного средства. Но ещё никого это ни разу не остановило.

Если оказывалось, что источник света на их пути, то в темноте, уходили по степи подальше от дороги, ища другую, или пережидали пока свет исчезнет. Заблаговременно, перед выездом из гаража, из всех плафонов вынимались лампочки.

Мощной, фарой, списанной с самолёта, стрелок ярким лучом «сканировал» местность, поочерёдно, то слева, то справа. Если в луч попадала лисица, – её глаза в свете фары ярко вспыхивали зелёным светом, – начиналась погоня, весьма опасное, но вместе с тем – захватывающее действие. Свет гасили, и во тьме мотоцикл нёсся в направлении сверкнувших глаз.

Всякое случалось. Иногда налетали на, оставленные в далёком прошлом, покорителями целины, бороны или плуги. Или валялись в ямы. Был случай, когда на пути возник валун, невидимый в траве.

Налетев на него, УРАЛ сделал кульбит через руль, и накрыл стрелка люлькой. При этом водитель был выброшен на несколько метров вперёд, что собственно и спасло ему жизнь. Как ни странно, но всё обошлось без летальных исходов.

Однажды охотникам, забравшимся в предгорья, в свет фары попал неизвестный хищник. Они уже собирались возвращаться: ночь приближалась к концу. То, что это был хищник сомнений не было – выдали яркие зелёные глаза. И только подъехав ближе, они рассмотрели большую кошку цвета беж в небольших чёрных крапинах и с кисточками на ушах.

Животное, заслышав звук, не кинулось наутёк, а продолжало неспеша, трусцой двигаться своей дорогой, на толстых длинных лапах. Иногда хищник останавливался и прислушивался.

Охотничий азарт взял своё. Прогрели выстрелы – дуплет. Испуг пробудил инстинкт самосохранения. Рысь, а это была она, рванула гигантскими прыжками наутёк.

Прицельно выстрелить было невозможно. Сократить расстояние – тоже. Патронов почти не осталось. Ранили её только последним патроном. Она резко замедлила ход, но продолжала бежать.

Когда раненый зверь понял, что ему не уйти от преследователей, он остановился и, поджав короткий хвост, прижался к земле со звериным оскалом, обнажив страшные клыки, которыми не раз перегрызал горло сайгаку и приготовился к последней схватке.

Прыжок был не опасный. Видно раненое животное выбилось из сил. Наездник сбил её люлькой и наехал на грудь передним колесом. От отчаяния, в предсмертной агонии, зверь сомкнул страшные челюсти, вцепившись клыками в покрышку с такой силой, что легко прокусил её, отомстив за свою смерть. Пришлось снимать колесо, разбортировать и набить покрышку тряпками и частично своей одеждой.

Кто научил лису, спасаясь от погони, «закручивать спираль», – бежать по кругу постоянно сужая его? Ведь в степи у лисы, кроме человека, врагов нет. Держать высокую скорость трясясь на кочках не просто, а ещё заставить мотоцикл описывать окружность небольшого, постоянно сужающегося, кольца и не выпустить зверя из луча фары – это требовало от водителя большой сноровки в управлении.

При этом спицы на заднем колесе не выдерживали нагрузки и пяти миллиметровая стальная калёная проволока с громким треском рвалась. Поэтому, те кто серьёзно занимался этим промыслом, вместо штатного заднего колеса ставили самодельные дисковые, которые, тоже, делались в гаражах.

Что толкало охотников на такой риск? Мотивация гонять ночами по степи была разная. Кто – за адреналином, блеснуть своей лихостью, удалью и доказать себе – кто ты есть. Кто-то исключительно для пополнения семейного бюджета. Хорошая шкура лисы была в цене.

Та часть жизни, которая относилась к промыслу зверя и рыбы строилась по принципу: «не пойман – не вор». Не дай Бог, было попасться рыб – или охотинспекторам, которые в этот период особенно усердствовали.

Тут же следовало суровое осуждение попавшегося – трудовым коллективом во главе с начальником. Вчерашние браконьеры выступали с обличительными речами, в которых,

подтекстом, красной нитью проходил вопрос: – Эх! Что же ты, растяпа, попался-то? Не можешь – не берись.

Всё было пропитано ложью и лицемерием. Командир, только что вырвавшись из постели своей любовницы, жены правого лётчика, тут же на партийном собрании осуждал подчинённого, жена которого пожаловалась в партком на неверность супруга, за его аморальное разложение.

Самые рьяные борцы за нравственность – это бывшие проститутки, самые убеждённые борцы с наркотиками – бывшие наркоманы, а самые преданные, фанатичные борцы за сохранность природы – бывшие браконьеры. Они знают с чем борются!

Но приходило время, когда степь укутывалась в такие глубокие снега, что проехать мог только вездеход. Вот тут-то и наступал звёздный час «кулибинных»: конкурентов им не было. Зверь тоже не мог быстро бежать по глубокому рыхлому снегу. Даже инспекция, «зверствующая» до этого, была бессильна.

Результаты выездов были покрыты мраком. По планете ходили легенды о добыче этих экипажей, да завистливо-уважительные взгляды провожали их участников.

Лёгкость нравов, неверность супругов ни то, чтобы приветствовалась обществом, – нет, что вы, но строго не осуждалась. Были, конечно, и строгие блюстители нравственности, но их было меньшинство. Летом, в период отпусков, Городок заметно пустел: многие семьи уезжали на «большую землю».

Ключи от квартир отпускники оставляли знакомым или соседям для ухода за цветами или домашними питомцами, и были очень востребованы. В них находили пристанище для любовных утех временные холостяки и временные холостячки.

Любовники мыкавшиеся по квартирам друзей, пока те на работе, теперь имели возможность насладиться счастьем общения друг с другом до полного изнеможения, а кто и просто предаться первобытному зову плоти, находя в этом своё призвание.

После окончания отпусков вакханалия заканчивалась, и семейная жизнь возвращалась в привычное русло. Никто не помнил ничего. Женщины возвращались к роли примерных, преданных, верных жён и заботливых матерей.

Мужчины занимали свой привычный трон главы семейства и опять становились ревностными защитниками морали и оплотом семейных устоев. Строгими воспитателями подрастающего поколения.

Глава 2

КИТ

В любом коллективе найдётся человек, страстно увлечённый своим хобби, который способен своей страстью увлечь других, растормошить, расшевелить болото равнодушия и пассивности.

Кит, так называли его сослуживцы, так обращался к нему и командир, слыл одним из лучших стрелков в Городке. За что и пользовался заслуженным авторитетом среди охотничьего братства. Организовать загон, найти верёвку, нужной толщины и длинны, навязать на неё красных флажков, гремящих консервных банок – кому-то такая задача показалась бы непосильной, но только не Киту.

Для него – это совершеннейший пустяк. Если, что-то надо добыть – преград не существовало. Даже если за это надо было отдать то, чего у него не было, он мог построить многоходовую комбинацию: ты мне – я тебе.

На этот сезон Кит остался без напарника: тот нашёл место на Земле и перевёлся. Через общих знакомых Кита познакомил с Лексом – отчаянным, – одним из лучших, «наездников», владельцем тяжёлого мотоцикла.

Кит родом был из небольшого украинского городка. Рос тихим, домашним мальчиком. В школе успевал хорошо. Друзей не было, вернее, когда-то был приятель – Андрей.

Однажды, когда они вечером с Андреем возвращались домой из кинотеатра, к ним подвалила компания пацанов из другого микрорайона, и, узнав, что Кит с Андреем не из «ихних», потребовали вывернуть карманы, полукольцом окружив ребят.

Малолетних «разбойников» было пятеро, но атлетическими данными никто не отличался и только стайный инстинкт придавал им смелости. Кит же с Андреем ростом были выше даже их предводителя, не говоря уже о других и могли бы без труда вдвоём накостылять нападавшим, но... Кит, вдруг отступив на шаг назад, резко обернулся и пустился наутёк.

На следующий день, в школу Андрюха пришёл с распухшим носом, фингалом под глазом и слегка прихрамывая.

Столкнувшись в коридоре с Китом, он, ни слова не говоря, заехал ему кулаком в нос и спокойно отошёл. Тот даже не пытался дать «сдачи». Он стоял, зажав разбитый нос платком и плакал, недобро сжав губы.

После этого случая с Андреем стали происходить странные дела. То пальто в раздевалке окажется совсем в другом месте, и он вынужден был подолгу его искать, то вдруг в ручке, перед контрольной, окажется пустой стержень, то на стуле парты прилипшая жвачка.

Со временем история забылась и странности, происходившие с Андреем, прекратились, но близких друзей у Кита так больше и не было.

Ему очень хотелось научиться метко стрелять, также метко, как это делал кумир пацанов – Шаттерхэнд, он же Верная Рука из фильмов про индейцев о покорении дикого Запада. И он записался в стрелковую секцию при ДОСАФ.

Тренер проверил его способности и одобрительно кивнул, глядя на результаты стрельбы. Кит быстро дошёл до третьего взрослого разряда, но полюбившееся занятие пришлось прервать. Тренировки и соревнования оставляли очень мало времени для учёбы. Он стал заметно хуже учиться. Тогда родители запретили ему посещать секцию.

Когда ему было двенадцать, в дом пришла беда – отца завалило в шахте насмерть. Мать не стала выходить второй раз замуж. Всю любовь перенесла на сына. Как могла, баловала, пытаясь заменить ему недостающего отца. После школы Кит поступил в летное училище и успешно его окончил.

Однажды, будучи уже курсантом, на танцах в училище он познакомился с девочкой. Её звали Мира. Стали встречаться. К тому времени Кит уже был сформировавшимся молодым человеком.

Статный, русоволосый, кареглазый в курсантской форме он выглядел весьма привлекательно. Мира ему тоже сразу понравилась: миловидное личико, стройная фигурка, тихая, застенчивая. Учится в институте. Остальные данные для него значения не имели. Она полностью вписывалась в представление Кита об идеале.

А после, побывав в её доме и познакомившись с родителями Миры, Кит ещё больше укрепился в мысли о правильности своего выбора. Её отец, полковник, преподавал тактику в его училище.

На последнем курсе Кит женился и очень надеялся на то, что тесть, заслуженный лётчик, поучаствует в распределении и его оставят где –нибудь неподалёку. Авиационных полков на Украине было достаточно, как и тёплых мест. Но не угадал: тесть оказался мужиком старой закваски и блата не любил.

«Куда Родина пошлёт туда пусть и едут!» – сказал, как отрезал. Поэтому в распределении зятя участия не принимал, несмотря на бурные возражения его жены. Все её настоятельные просьбы он жёстко пресёк: «В моём доме блатных не было и не будет!». Кит ещё не раз припомнит эти слова и отыграется на безответной супруге.

Ему повезло с женой: Мира была тихая, послушная, безропотно выполняющая все указания мужа. Кит в семье был деспотичен. Иногда, когда жена жаловалась на некоторые трудности с продуктами, и он каждый раз не забывал напомнить ей о том, что если бы не тупое упрямство её папочки – они могли бы жить в приличном городе, а не на этой песчаной планете.

Инакомыслия не допускал. Краситься жене запрещал. Правда она и дома с родителями не сильно была балована. Мать, может быть и позволяла бы ей кой-какие вольности, но отец строго следил за нравственностью дочери.

«Куда такую короткую юбку одела. В таких только на панель ходят» или «Что как шалава размалевалась. Сотри и чтобы я этого больше не видел. А ты, мать, куда смотришь? Один я должен следить?»

А ведь было бы за что? Юбка чуть выше колена, она и так ловила на себе удивлённые взгляды одноклассниц. Макияж – чуть реснички, да еле заметная стрелочка у глаз.

Однажды ещё до знакомства с Китом, на летних каникулах, после первого курса института, она училась на экономиста, подруга позвала кататься на велосипедах. Мама, узнав о том, с кем дочь едет кататься, отпустила её.

Неожиданно оказалось, что с ними вместе поедут двое мальчиков, которых пригласила подруга. Чтобы было веселей, как она объяснила. Один – друг подруги, а другого пригласили для неё. Ребята учились в том же институте, только старшие курсом.

Ехали по полевой дороге среди бескрайних полей и лугов. Сенокос шёл полным ходом. Местами недалеко от дороги были смётаны огромные стога. Попадались и небольшие

копейки. А где-то только собирали скощенное сено. Запах наполнял воздух ароматами трав. Подруга заговорила:

– Ой, ребята, давно мечтала поваляться на сене. Пахнет-то, как вкусно! Айда!

И направила велосипед к ближайшей копне. Остальным не оставалось ничего другого, как последовать за подругой. Огляделись. Никого близко не видать. Сначала один из парней посадил приятеля, а потом совместными усилиями помогли забраться и девчонкам.

Нина обнималась со своим мальчиком и даже целовались. Когда же и к ней попытался приблизиться второй мальчик – Миру, как ветром сдуло с копны, чем очень смутила его и вызвала смех подруги и её приятеля.

«Да она ещё не целованная!» – рассмеялась Нина.

Когда вечером Мира явилась домой, чуть позже установленного отцом времени, он устроил форменный допрос с пристрастием:

– Почему так поздно? Где была?

Попыталась вмешаться мать:

– С Ниной на велосипедах катались.

– А ты, мать, помолчи. У неё самой язык есть.

– Что за Нина? – обратился он к матери, – это та, о которой ты мне рассказывала? Которая уже с мужиками шастает? – спокойно и даже ласково продолжат тот, – Хорошая компания, ничего не скажешь. Есть чему поучиться.

Спокойный тон отца всегда пугал Миру больше, чем когда он кричал. Если он «закипал», то всегда начинал говорить тихо.

– Так, а с кем ещё были? – продолжал допрос папаша.

Мира хоть и боялась отцовского гнева, но не настолько, чтобы обманывать.

– С нами ребята с института были, – глядя в пол, честно, но робко ответила она.

– Ага, значит с ними в сене и валялись, понятно. Хоть бы спину отряхнула, ни стыда ни совести. Посмела так отцу и заявить. А, что ещё делали? – не унимался отец.

– Ничего, сено очень пахнет здорово, Нина предложила просто полежать, отдохнуть, – чуть слышно, еле сдерживая слёзы ответила дочь. И добавила: – Мы потом всё на место сложили аккуратно.

– Мать, ты посмотри кого мы вырастили. Она уже с мужиками в сене валяется, как последняя шалава, а делает вид, будто не понимает ничего. Прикидывается бедной овечкой, – громыхал на всю квартиру отец. – Чтобы и духу этой прости господи, этой Нинки около тебя больше не было. Я тебе запрещаю с ней знаться! Ты поняла? И чтобы вечерами дома сидела. – закончил допрос тот.

Так что после тирании отца Кит был просто – ангелом. Одевалась она невзрачно, выглядела «серой мышкой». Хотя недостатка в деньгах семья никогда не испытывала. Сказывалась привитая с детства умеренность.

А вкус привить было некому. Всё свободное время посвящала маленькой дочери. Правда, Кит иногда напоминал, что она замужняя женищина и форсить нарядами здесь нечего, как некоторые с дурной репутацией и приводил примеры. Так что Мира тоже была в курсе того, что слышал её муж о неверных жёнах.

Друзей у них не было, праздники отмечались в семье. Жена ни в чём не ограничивала его, да и не смогла бы. Кит был свободолюбив. Однако поводов для волнения не давал. Хотя в узком кругу и любил прихвастнуть своими любовными похождениями, чтобы не прослыть «тюфяком», но, на деле, никаких таких подвигов у него никогда не было.

А очень хотелось: ранняя женитьба лишила его такой сладкой, на первый взгляд, холостяцкой жизни и всех прелестей, которые она сулит. Человеку вообще свойственно желать того, чего невозможно получить, поэтому он и рвётся наверстать упущенное, хотя бы в своём воображении и упиваясь грязными сплетнями.

Обожал мусолить сальности – кто с кем, где, когда... И, вообще, всех женщин считал потенциальными шлюхами. Его любимая фраза: «не дающих женщин нет, есть плохо просящий мужчина». Что и отражалось на его отношении к жене.

Весёлый, но без чувства юмора, разбитной, но сосредоточенный, немного хамоватый в компании равных и пай-мальчик с начальством, но очень аккуратно пытался быть на короткой ноге. Слегка высокомерен с равными и холодно-сух и презрительно-надменен с людьми от которых он никак не зависел, и которые обращались к нему с различными просьбами.

В коллективе охотников никто не сблизился с ним. Как человека его немного недолюбливали. Говорили о нём, что тот готов к начальству без мыла в одно место залезть. Да и он никого не подпускал близко. Уважали его лишь за неуёмную страсть к охоте.

Ружьё у него было самое лучшее на планете – бельгийский пяти зарядный браунинг. Предмет всеобщей зависти и необычайной гордости его обладателя. Нужно отдать должное – пользовался он им мастерски. По летающим бутылкам, а равно как и по летящим уткам стрелял без промаха, превосходя прочих членов охотколлектива.

Кит, обладал ещё одним удивительным качеством. Он мог обратиться к любому незнакомому человеку с совершенно обескураживающей простотой и вульгарностью, какая свойственна торговцам урюком.

Со стороны это выглядело очень забавно – Кит сильным свистом, а затем криком привлекал к себе внимание нужного человека, потом, подойдя, шлёпал его по плечу или протягивал руку для приветствия. В первое мгновение его манера вызывала у собеседника оторопь и недоумение и даже удивление.

Пользуясь мимолётным замешательством, Кит успевал выложить свою мысль и всегда добивался нужного ему результата. За пределами Городка для него не существовало авторитетов, да, собственно, и внутри их было очень ограниченное число. Он подхалимничал перед начальством, но за глаза выражал полное непочтение и независимость.

Когда наступили трудные времена и Городок лишился московского обеспечения, Кит проявил инициативу и уговорил начальника выделить машину. Проехался по предприятиям отдалённых сфер, далеко за пределами планеты. Там он перезнакомился со всеми нужными людьми, представляющими интерес для него лично и для обеспечения Городка.

Никто не знал – откуда Киту известно куда нужно было ехать. Но он знал. И безошибочно находил нужные места. Таков был Кит.

В круг интересов вошли директора: винзавода, пивзавода, нефтебазы, заготконторы. Каким-то непостижимым образом все они терпели его манеру общения и она, как ни странно, помогала ему устанавливать дружеские отношения с серьёзными людьми.

Скорее всего им интересен был не сам Кит, а его возможности. Каждому из них он что-то обещал. Каждому было что-то нужно. Для себя лично или для производственных нужд. Всё-таки аэродромная свалка имела огромный потенциал, и вызывала большой интерес на периферии. Много ценного «хабара» можно было там отыскать, а Кит подогревал этот интерес, намекая на свои безграничные возможности.

В это время с прилавков магазинов стали исчезать некоторые товары, в том числе сигареты и папирасы. Эти и ещё несколько наименований товаров стали поставлять через торговую сеть Военторга, для распределения, в части, то есть поступали в распоряжение командира, и, через замполита, под контролем парторга, распределялось между работниками, с учётом полноты семьи.

Претензий и обиженных не было. Понемногу хватало на всех. Но у начальника был спецфонд из этих дефицитов, для решения неслужебных вопросов. Сигареты, сгущёнка, венгерские яблоки, спирт, стерлядь и «хабар» с базы обеспечения.

Вот с этим арсеналом и со своей особой манерой находить общий язык, Кит легко открывал двери любых кабинетов. Да, собственно, особого труда-то и не требовалось, потому что каждый руководитель был не против иметь хорошие отношения с военными с аэродрома: там было очень много различного «хлама», который очень интересовал людей хозяйственных.

Кому бочки на пару кубов, кому запчасти на грузовую технику, кому маскировочные сети, кому тепловую пушку и ещё много чего. Короче: со стороны директоров – хозяйственников аэродром вызывал очень живой интерес, чем собственно и пользовался Кит.

Он не был жаден: раздавал угощения в виде пачки папирос или банки сгущёнки всем от кого хоть в малой степени зависел успех мероприятия. Ему везде были рады и любой вопрос решался без проволочек.

Путь был дальний и времени всегда было в обрез. Кладовщику – банку сгущёнки, чтобы быстрее отпустил, грузчику – пачку сигарет, чтобы быстрее грузил, на проходной – чтобы быстрее открывал и так далее.

И потекли в Городок ручейки пива, вина местного производства (чёрная смородина, облепиха, черноплодная рябина и тому подобное), бидоны мёда, сметаны, творога. Кит набирал заказы у начальства на все эти продукты, а остальных сортировал по признаку нужности.

Одним, – очевидно самым ненужным, – жёстко отказывал, другим, – нужным, – сам предлагал. Однажды Кит предложил Лексу составить ему компанию. Тот, учитывая непоседливый характер, сразу согласился.

Особым спросом пользовалось, конечно, пиво. Любители пенного напитка готовы были унижаться и лебезить перед Китом. Но если они не представляли какого-либо интереса – ответ был один: – «Нет, не могу. Места уже нет» Но надежды не лишал: – Может в следующий раз.

Денег на этом Кит не зарабатывал, мало того – очень боялся, что его заподозрят в коммерции, тем более, что – ещё действующий – партком пытался отслеживать все цены на привозимые товары и это недоверие, поначалу, очень бесило Кита.

Позже, когда этот институт тотального оболванивания был упразднён, статья №8 из Конституции СССР о руководящей роли партии была упразднена, а цены менялись каждую неделю, Кит стал делать маленькую наценку, такую, которая ему позволила бы взять без денег, себе и напарнику, немного из того, что он привозил. Как он выражался, обращаясь к Лексу, с которым стал ездить регулярно:

– Лекс, а чё б на халявку пивка не попить, да медка не поест. Пошли все к черту.

Но, так называемая, "халявка" по сути была плата за неужёмную энергию, бессонные ночи в дороге, за риск связанный с длительными поездками по незнакомым дорогам и краям с чужими нравами и не всегда приветливыми аборигенами.

Всякое случалось. Однажды зимой машина, на которой они обычно ездили – ГАЗ-66, – на скорости, с асфальта, влетела на ребристую грунтовку и стала не управляема. Водитель, – опытный парень, – не смог справиться и машина слетела в кювет.

Благо, что грейдерная дорога на этом участке стелилась по полям – без деревьев, – и глубокий снег кювета погасил скорость. Водитель успел сообразить и вывернул руль в сторону

заноса. Газон съехал носом, зарывшись в снег по самое лобовое стекло. Если бы машина пошла боком, то, скорее всего, могли перевернуться или лечь на бок, в лучшем случае. Но Бог милывал.

Откос был крутой. Машина скатилась с горки и, уже в конце спуска, остановилась. Попробовали подняться на задней скорости, но два моста не справлялись: машина дёргалась, прыгая на месте, но двигаться не хотела – буксовала. Пришлось пробивать колею вперёд. В конце концов проторили дорогу в снегу и выехали в степь. Там снега было не так много и двигаться было легче. Ехали параллельно трассе пока не нашёлся пологий заезд. Потом Кит комментировал происшествие, посмеиваясь над реакцией Лекса:

– Я, бляха, ещё сообразить не успел, а он уже ногами и руками во все стенки уперся. Ну, у тебя, Лекс, и реакция!

Лекс отшучивался:

– Инстинкт самосохранения сработал. Учись, пока я жив. Хотя, вряд ли этому можно научиться – это врождённое.

Давно не было завоза хорошего бензина на заправку у Городка. Кит предложил командиру привести тонны три с нефтебазы. С директором он уже завязал дружеские отношения. Командир дал «добро», тем более сам ездил на Жигулях шестой модели и очень нуждался в качественном бензине.

Кит раздобыл небольшой бензовоз и поехали. Туда доехали, без происшествий, залили три тонны АИ-93 и домой. Отъехали несколько километров и на окраине какой-то деревушки, в лесу с двигателем приключилась беда. Чихнул несколько раз, машина задёргалась и заглохла. Как не пытались завести – всё было тщетно. Кит и водитель поехали на нефтебазу за подмогой, а Лекс остался сторожем при бензовозе.

Сердобольный Русский народ. Как же он может оставить без внимания проблему ближнего. Подъехали молодые парни на мотоцикле:

– Эй! Дядька! Что случилось? Может помощь какая нужна? – Заботливо поинтересовался старший.

Лекс объяснил.

– А везёшь чего, не унимался тот.

Лекс опять объяснил.

– Плесни литров пять, а то в деревне плохо с бензином, – запросто попросил парень.

– Есть шланг, чем вам плеснуть? – по простоте душевной отозвался Лекс.

– А, ща в деревню сгоняем.

Через десять минут прикатило уже три мотоцикла со шлангом и канистрами. И народ потянулся.

Лекс пытался протестовать:

– Хорош, пацаны. Не наглейте. Попросили пять, а сами уже налили двадцать пять. Подошёл небольшого роста с квадратной мордой и такими же плечами, в какой-то драной куртке мужичок, – похоже местный авторитет:

– Да, ладно тебе, командир, не жмись. Не твоё же. Тебе чё, жалко? – прищурив один глаз и сверля Лекса нахальным взглядом, пробасил он.

– Мне не жалко, мне в часть надо привести. Командир послал. Денег дал. Не хватит, мне из своего кармана платить, – нашёлся Лекс.

И удивительно – этот аргумент сработал. Талян, так его называли пацаны, пошёл на пятую:

– Так, народ! Хорош, – и обратился к парню, который, как раз в это время, наливал канистру, – давай доливай последнюю и завязываем. Ему, – кивнул головой в сторону Лекса, – командиру отчитываться.

И, как, самому Таляну, показалось, – очень весело пошутил:

– А то ещё, из-за нас, мужика командир на губу посадит, – со смешком пробасил он и осклабился, – Гы-гы-гы.

«Хорошо, что шланг был один и не толстый, – подумал Лекс, – литров шестьдесят слили, не больше. Вот тебе и «халявка». Ага, как же».

Многие обижались на Кита, но многие семьи стали иметь возможность кормить своих детей натуральными молочными продуктами, мёдом. Мужики – попить пива, домашнего вина. Машины заправлять хорошим бензином.

Глава 3

ЯВЛЕНИЕ

Какие замечательные на планете августовские вечера! Ещё как будто бы лето, днём стоит жара, но после захода солнца на землю опускается живительная прохлада – дыхание осени. Небо всё ярче раскрашивается золотыми россыпями осенних звёзд, пронзённые, такими же золотыми, нитями – падающих, они причудливыми узорами вышивают чёрный бархат небосвода.

Ночь, здесь не плавно вытекает из вечера, темнота обрушивается мгновенно, будто кто-то взял и накрыл планету чёрной вуалью. Здесь, особенно в этих широтах, в это время года, Млечный путь особенно ярок. Неосвещённые закоулки Городка замирают в тишине, окутанные темнотой. Только цикады нарушая тишину, трезвонят, радуясь ночи.

Они встретились прошлым летом, когда семья Лекса на всё лето улетела на Землю. Познакомились в гостях у общих знакомых. Лекс вошёл. Поздоровался:

– Привет, друзья мои, – громко и весело, сделав жест рукой, произнёс он.

Обвёл взглядом компанию. Знакомые всё лица. И вдруг – стоп! – не все. Кто это? Что за чудное создание, с копной светло – каштановых, слегка вьющихся волос, с большими, очень печальными зелёными глазами, спокойно смотрит на него. Лекс улыбнулся, и про себя подумал: «Ну, что за прелесть!» И, чтобы привлечь её внимание начал нести какую-то околесицу:

– Я тут мимо проходил, слышу, кто-то так заразительно, весело смеётся. Дай, думаю зайду, вдруг люди гуляют, веселятся. Вот припёрся, а тут такие девушки грустят, – на последней фразе он сделал акцент, устремив озорной взгляд к незнакомке. Она улыбнулась, скорее из вежливости, но в печальных глазах обозначился живой интерес.

– Ну, вот! Я зачем припёрся-то? – разводя руки, продолжал фиглярничать Лекс, – может кто-нибудь представит нас друг-другу, в конце концов? Друзья – тоже мне называется! – жестом указывая на незнакомку.

– Меня зовут – Лили, а вас как? – не дожидаясь пока их будут представлять отозвалась она.

– Вот это по-нашему! – обрадовался Лекс, – и через короткую паузу представился, – Лекс. При этом он встал, щёлкнул каблукми и кивнул головой, как это было принято в «другой» гвардии.

Она решила подыграть ему. Выпрямилась, расправив красивую грудь и важно склонила голову. Все рассмеялись. И она – негромко, но очень звонко засмеялась и в глазах при этом вспыхнули озорные искорки. Хозяйка встrepенулась и обращаясь к мужу выразила нетерпение:

– Дик! Долго ещё гостей будешь томить? Наливай уже! Давайте – за знакомство! – предложила, хозяйка, – Уля.

Выпили за знакомство. Потом кто-то предложил – за любовь, потом – чтобы не было войны. Потом – танцы. Кто-то, что-то брякнул не совсем приличное. Лекс подметил, как Лили забавно засмуцалась, услышав скабрeзность. – Какая она прелесть, – подумал он.

Лекс умел поддержать компанию, мог быть весёлым, заводным. Сыпал искромётными шутками, цитатами из стихов. Особенно, если ему понравилась женщина, а она ему понравилась, даже – очень.

Лекс сразу почувствовал, что взаимности – нет. Её внимание скорее было просто откликом на что-то инородное в этом коллективе. С её стороны – обычное внимание к новому

экземпляру. Так сказать – чисто научный интерес и дань вежливости. Оттуда и, тот первый, – немного ледяной, даже колючий, изучающий взгляд.

Но вскоре Лекс, к своему удовольствию, подметил, что во взгляде произошли приятные перемены: он стал теплее. «Это хмель так подействовал или и впрямь я смог пробудить, что-то большее, чем просто интерес» – подумал он. Это его очень вдохновило.

И этого было уже предостаточно для того, чтобы Лекс «завёлся». Сегодня он был в ударе. Он очень хотел произвести впечатление, понравиться ей. И, судя по всему, ему это удавалось.

Появление нового человека в их коллективе поначалу немного насторожило Лили. Она была одна без пары. «Если его пригласили специально для меня, то – зря. Это не то», – подумала она и продолжала, как в микроскоп рассматривать кандидата в ухажёры.

Но когда он заговорил, с ней произошло что-то удивительное. Она перестала обращать внимание на его неказистый вид. Вся обратилась в слух и от души смеялась его остротам, озорным шуткам и очень умело рассказанным анекдотам, причём пошлостей не было, что ей очень импонировало.

По натуре она и сама была весёлой и любила хорошую шутку. Поэтому довольно быстро сменила своё отношение к Лексу. Он смог её вывести из состояния постоянной грусти. «Он очень славный, в нём есть что-то, чего я давно не встречала. «Вот, как может быть ошибочно первое впечатление» – с улыбкой подумала Лили.

Разгорячённый винными парами, танцами и благоволением понравившейся женщины, он вывел свою даму из духоты комнаты на свежий воздух.

«И свою королеву,
Он на лестничный ход,
От печей перегрева
Охладится ведёт.
Хорошо хризантеме
Стыть на стуже в цвету...»

Б. Пастернак.

Что с ним сегодня? Ничего, просто она улыбнулась ему в ответ и всё вокруг преобразилось, мир вдруг засиял яркими красками. Много ли надо человеку? «Эта улыбка кого хочешь сведёт с ума, а как удивительно летят искорки из её глаз, в это время», – восторженно подумал Лекс.

Синяя прохлада окутала и приняла их в свои нежные объятия, как будто и природа была за одно с ними. Присели на лавочку в беседке рядом с домом. Закурили. Ах, эти сигареты. Они всегда заполняют паузу. С ними можно многозначительно курить и молчать. По тому, как Лили неумело держала сигарету и пускала дым, не затягиваясь, Лекс догадался, что она не курящая, просто балуется.

– Расскажи о себе – попросила она.

«Ну, нет! – подумал Лекс, – разве она вышла со мной, чтобы узнать мою биографию? Конечно, с её стороны – это очень мило, даже трогательно. Но говорить-то хочу совсем не об этом...» Они сидели рядом совсем близко друг от друга, но совсем не так, как хотелось бы... Всё вокруг говорило о любви.

Осень вдруг обернулась весной. Деревья, шелестя листвой, нащёптывали: «Обними, обними...», цикады звенели, как никогда: «Поцелуй, поцелуй...», ночь нежно шептала: «Я укрою...».

Его тонкая поэтическая натура трепетала от воздействия всего того, что их окружало. Он безумно захотел её обнять, но робость вдруг сковала его. Из разбитного, весёлого, чуть озорного рубахи – парня, каким он представлялся, вдруг маска спала и Лекс превратился

в самого себя: застенчивого, робкого юношу и даже винные пары не помогли. Одно дело в компании, и совершенно другое – один на один.

Он что-то пролепетал о семье о детях и не договорив замолчал. Она почувствовала его настроение, ей и самой хотелось другого, но и создать впечатление лёгкой доступности ей очень не хотелось.

Шла напряжённая внутренняя борьба. Конечно, была огромная потребность ощутить себя желанной, закружиться в вихре чего-то романтического, – с одной стороны и нежелание произвести ложное впечатление, – с другой.

Наступила неловкая пауза: Лекса не только не покидало желание обнять, обхватить, сжать в объятиях, но напротив – оно возрастало с каждой минутой, доводя его до иступления и совершенно отключило сознание.

Вдруг она зябко повела плечами. От Лексы не ускользнуло это движение, – казалось, что он только этого и ждал, – и чуть не подпрыгнул от радости, но с трудом сдерживаясь, боясь себя выдать, с надеждой и с замиранием сердца спросил:

– Замёрзла?

– Немного, – ответила она. Он дрожащей от волнения рукой, нежно, как только мог, со словами:

– Иди ко мне, – обнял её за плечо.

Она не отстранилась, а наоборот, чуть прильнула к нему, ища тепла. Осмелев, поощряемый непротивлением, он наклонился и чуть коснулся её щеки. Она, отстранив голову, серьёзным внимательным взглядом посмотрела ему в глаза. Но хмель и нервное возбуждение не позволили Лексе правильно оценить этот взгляд.

Губы их были совсем близко. Он истолковал это как призыв и прижался своими губами к её, горячим, мягким и чуть пухлым. Она резко отвела голову в сторону:

– Нет! – выдохнула Лили и поспешино поднялась.

Подождала, когда поднимется смущённый Лекс и через минуту они, как ни в чём не бывало, уже вернулись в компанию. Все сделали вид, что не заметили их отсутствия. Глупых, неуместных вопросов здесь никто не задавал. Из собравшихся только хозяйка дома была с мужем.

А ещё через час, когда в тени деревьев, у её дома, прощаясь, ошалевший от счастья, Лекс, привлёк к себе, ставшее вдруг неожиданно податливым, тело Лили – ответное объятие повергло его в неистовство.

...И всё ж любить – какое счастье,

Какой восторг – твоя любовь!

Пришли на память строки из Гётте. Вкус ответного поцелуя он ещё долго ощущал, по дороге домой, на своих губах. «Неужели это то, о чём он мечтал, о чём писал поэт, – думал Лекс, плывя домой в облаке любовного угара. – Как она прекрасна, элегантна и умна, а как чудно она читает стихи! Говорит – не её, но очень похоже, что лукавит, стесняется».

А Лили, придя домой, тихонько заглянула в детскую комнату. Тёплым взглядом окинула сладко спящих детей и мечтательно улыбнулась, думая о своём. Потом, бесшумно прикрыв дверь комнаты, зашла на кухню и не включая свет: его и так достаточно попадало с улицы, нашла припрятанную пачку сигарет с фильтром. Мужнин Беломор стройным рядом стоял на полке.

Она ещё не понимала того, что произошло. Как и не могла ещё осознать всю глубину пропасти в которую уже готова была шагнуть. Сейчас ей было хорошо. Лили с удовольствием закурила. Она полна впечатлений от сегодняшнего приключения.

И даже не пыталась сейчас вспомнить, как – в деталях – выглядел её ухажёр. Сейчас, в данную минуту, – это не имело уже никакого значения. Главное было то, что ей давно не

было так легко, приятно и весело. После замужества она ни разу не позволяла себе быть такой легкомысленной, как сегодня.

Вспомнилось, что с первого взгляда он ей не приглянулся, но потом, что-то произошло и всё поменялось. Но было ли сейчас до анализа? Она улыбалась счастливой улыбкой.

Своим женским, безошибочным чутьём Лили почувствовала застенчивость, с которой тот её обнял. И поцелуй украденный им, заставил её сердечко биться чаще, хотя она и оттолкнула его. Он привлёк её внимание своей непохожестью, своим замечательным чувством юмора, тактом и ещё чем-то, чего она не могла понять.

«Она же ещё не старая, – тридцать скоро. Муж совсем утратил интерес к ней. Надо признать, что и раньше-то был не очень галантен, а теперь и подавно. Наверное и забыл уже, когда подавал пальто, сумки помогал с работы нести. Гараж, охота, дежурство, рыбалка. И всё это ночами. А ведь я ещё живая.

Сегодня этот мальчик, как там его – Глеб, что ли? А, нет, – Лекс, точно – Лекс, – и рассмеялась тихонько и озорно над собой, – надо же так – целовалась, а имя еле вспомнила – верх легкомыслия, этот паренёк смог превратить для меня простой будний день в праздник. И его горячие губы и этот прощальный поцелуй – такой нежный и, вместе с тем, такой страстный о многом говорит», – раздумывала Лили.

Со всей силой нерастроченной нежности, ей захотелось повторить это ещё и ещё. «Нет! Стоп! Надо успокоиться, унять эйфорию. – приказала она себе, – Иначе до добра это не доведёт».

Докурив, она приняла душ и легла спать. Томительная истома, с особой силой охватила её, нехватка жарких прикосновений и страстных поцелуев немного отсрочили её сон...

Нити разрозненных мыслей свились в одну – понимание того, что этот мальчик уже ворвался в её серую однообразную жизнь, дерзким и манящим, ярким животворным лучом и уже изменил её, но ведь она и сама этого страстно жаждет. «Так чего ж бояться? – засыпая, подумала Лили, – И будь что будет».

Через несколько дней Лекс организовал мероприятие, которое назвал «пробным Днём Рождения». Собрал узкий круг друзей и пригласил Лили с подругами. В зале, в «восточном» стиле, на ковре была постелена, поверх скатерти, красивая клеёнка. Она и была импровизированным столом, который Лекс расстарался накрыть так, дабы поразить даму сердца кулинарными изысками собственного приготовления.

Всё шло великолепно – Лекс умело руководил «балом». Как никогда был возбуждён и остроумен. Её глаза сегодня не были так печальны, как в день знакомства. Несколько раз он ловил на себе её восторженный искрящийся взгляд.

Это очень вдохновляло его, и Лекс так и сыпал шутками – прибаутками, анекдотами, шутливые импровизации удавались, как никогда, легко и непринуждённо. Конечно, они сидели рядом. Как галантный кавалер он изо всех сил старался предугадать её желания, был внимателен и обходителен, ухаживая за своей дамой.

Предлагал попробовать что-нибудь, на его вкус, наиболее удавшееся, из собственного приготовления. А она поощряла его взглядами и «случайными» прикосновениями. Лекс был в восторге от неё. А потом начались танцы. Благо, что соседи ещё не вернулись из отпусков: громкость музыки можно было не ограничивать.

Скатерть, со всеми яствами, оттащили в сторону, освобождая место танцующим. Свет в зале, погасили: хватало того, что пробивался из коридора и немного с улицы. Лекс, конечно, танцевал только с ней. Когда, кто-то покушался на Лили, то он изображал огорчение и говорил:

– Извините, дама ангажирована на весь вечер, – и простодушно лыбился.

Она смеялась. О лучшей награде он и не мечтал: «Как чудесно она смеётся», – думал Лекс. Его повергала в ужас сама мысль, о том, что её отберут у него хотя бы на один танец.

Чего раньше он никогда за собой не замечал, будучи в компании с женой. В нём проснулся феодал, собственник.

Лили шла навстречу его желанию. Во время танца он нежно, чуть касаясь, прижимал её к себе. Она также нежно отвечала на его объятия. И он чувствовал, на сколько она не безучастна, напротив, её ладонь намекает – «ну же, смелее!».

Но, что с ним? Лекс не понимал. Сейчас, когда его ощущения достигли наивысшей точки нервного напряжения, когда он перестал ощущать своё тело, то и ему не было надобности чувствовать тело любимой: ему нужно было большее... – её душа. И он чувствовал, что сейчас происходит самое желанное в его жизни – их души будто сливаются в одну. А это он ценил превыше всего.

Лекс мог только очень осторожно, нежно, как самое драгоценное в жизни, держать Лили в своих руках, чуть прикасаясь к ней, ведя её в танце. – "...и бережно держа, и бешено кружа, он мог бы провести её по лезвию ножа..." В. Высоцкий.

Иногда, когда он знал, что их никто не видит, он мимолётно ловил её губы. Она отвечала тем же. Возбуждённый, задыхаясь от счастья, он парил над землёй вместе с любимой женщиной. В небольшой комнате было душно, несмотря на открытые окна.

Лекс предложил пройти в другую комнату, с выходом на балкон, проветриться. Оказавшись одни в темноте, он нашёл её губы и жадно приник, дрожая от желания. Поцелуй затянулся и Лили, переводя дыхание, отстранилась и, в радостном удивлении, прошептала:

– Ух! Ну ты и целуешься, сума сойти! Где так научился?

Лекс смутился, но ответил:

– Это ты меня научила, – и реагируя на её удивлённый взгляд, добавил, – до сегодняшнего дня я так не умел.

Лили, переполненная восторгом, прижалась к нему и долго не отпускала. А потом тихо, очень осторожно произнесла:

– Твои когда возвращаются? – спросила, как можно спокойнее, но в этом кажущемся спокойствии Лекс уловил столько печали, горечи и испуга, что он с трудом смог сдержать подкативший к горлу комок. Только горячо обнял её, и уже прижавшись к её уху, тихо ответил поникшим голосом, сожалея, что не может порадовать другим ответом, чувствуя себя виновным и бесконечно несчастным:

– Скоро, совсем скоро.

И в ответ спросил:

– А твой где? Разве не в отпуске?

– Нет. Я, вроде бы замужем, а вроде и нет... Рис почти не живёт дома. Сходит на дежурство и потом пропадает сутками, то в гараже, то на рыбалке. Даже ночует там. У него там всё есть: плитка, чайник, еда, кровать.

– А чем он там занимается? Квасит? – поинтересовался Лекс.

– Нет, что ты, он почти не пьёт, вообще он хороший, умный, столько знает, на все руки мастер. К нему весь городок ходит за советами, если что по технике. Он вездеход делает для охоты. Скоро буду миллионницей, – с грустной улыбкой сказала она.

Лекс улыбнулся, услышав этот старый, давно забытый синоним миллионера. Оказывается в сибирской глубинке ещё так говорят.

– Поэтому у меня, при живом-то муже, уже давно мужика не было. Он на своём вездеходе женат, – в сердцах произнесла Лили.

Время позднее. Пора расходиться. Она засобирилась вместе с подругами. На Лекса жалко было смотреть. Он умолял её взглядом задержаться, ну хоть на чуть-чуть, хоть на мгновение и подруги подталкивали её к этому, но она лишь отвела его в сторону и на ушко шепнула, что через три дня он может прийти к ней домой: – муж будет на дежурстве.

Прошли жутко долгие три дня. И вот в окошке мелькнул условный сигнал. Одна. Можно входить. На одном дыхании Лекс взлетает на второй этаж. Дверь распахнулась, впуская «Дон Жуана». Они замирают в объятьях. Лили так прижалась, что под тонким домашним халатиком он ощущает её всю.

Несколько минут они стоят так, не размыкая рук, левитируя над землёй. Он мог бы так стоять вечность. За свои тридцать лет никто никогда не обнимал его так. Её тело податливо как воск. Он чувствует, как она тает в его горячих руках, как будто хочет запомнить, запечатлеть его тело своим. Лекс уже не в состоянии справиться с возбуждением.

Пытается подхватить любимую на руки, но встречает резкий отпор. Лили зарделась. «Засмузилась, видно на руках не привыкла, чтоб носили», – догадался Лекс. А она взяла его за руку и завела в спальню, со словами:

– Подожди, я сейчас, – вышла из комнаты.

Несколько минут он томился в ожидании. Журчащая вода в ванной ему нащёптывала о приближении того мгновенья, ради которого он, презрев все страхи и опасности встречи с хозяином квартиры, с её детьми, с начальником, живущим этажом ниже, среди бела дня, примчался сюда.

Желание обладать женщиной, которая перевернула его сознание, вернула давно забытое, такое сладкое чувство, было настолько велико, что уже ничто не могло его остановить. В памяти всплыло первое прикосновение к этому чуду...

Это было очень – очень давно. Тоже конец августа...

Погода в это время на его родине, в Прибалтике, обычно тёплая и сухая.

В один из тихих тёплых вечеров, когда солнце неминуемо шло к закату и золотило листву старых, уже начавших желтеть, лип, на спортивной площадке за школой на гимнастическом бревне сидели двое. Совсем юные Ёшка и девочка Таня, с их улицы.

Они вместе катались на велосипеде. Она была старше его на два года и поэтому управляла его велосипедом без рамы, который достался Ёшке по наследству, от старшей сестры, а он сидел на багажнике и держался за Танину талию. Как это было прекрасно, просто волшебно!

Они сидели, болтали ногами и молчали: им было хорошо вдвоём. Таня была в тонком белом платьице в голубой цветочек, на ногах спортивные тапочки. Светло-русые волнистые волосы едва доходили до плеч и обрамляли лоб и виски нежными пушистыми завитушками. Большие серые глаза и слегка припухшие детские губы маленького красивого ротика делали её лицо почти кукольным. Она была самая красивая из всех девчонок на улице.

Вдруг Таня спросила:

– Ты кого-нибудь любишь?

-Да, – робко, жутко смущаясь, ответил Ёшка и кивнул.

-А как её зовут? – продолжала допытываться Таня,

-На букву «Т», – совсем смутившись, ответил он.

-И я тебя люблю, – спокойно ответила она.

Ёшка не смел даже взглянуть на неё, не говоря уже о чём-то большем. Он ещё ничего не знал об этом, Только сердечко трепыхалось в груди, как пойманный воробышек. Это счастье!

«Это светлое облако, которое впервые заговорило со мной о любви я буду помнить вечно. Сколько бы я не жил и после, моя вечная душа будет хранить этот дивный осенний вечер, как напоминание о том, что жизнь прожита не зря», – думал Лекс.

Никто никогда в жизни не говорил ему, что любит его: ни родители, ни бабушка, ни сестра. А этого, порой, так не хватает детям. Такое удивительное, простое и вместе с тем такое ёмкое, обладающее такой огромной силой, слово!

*«... В те времена суровые, теперь почти былинные,
Когда срока огромные брели в этапы длинные...»,
-говорит В. С. Высоцкий.*

Время было такое, – суровое, не принято было баловать детей ни словом, ни делом. Вот и росли пацаны и девчонки «в нелюбви», ища любовь и ласку на улице.

Прошло лето. Закончились и совместные катания на велосипеде.

Только, вызванное тем августовским вечером чувство, продолжало волновать сердце. Ёшка не знал, что ему надо сделать, чтобы удержать её.

Он искал любую возможность увидеть, высказать всё то, что он чувствовал. При встрече робел и был в не состоянии вымолвить хоть слово: язык немел, а в голове происходил такой переполох, что все приготовленные слова, улетучивались. Раз в году на 8 Марта он подписывал ей открытку с поздравлением, но даже здесь, не мог написать ей всё то, что хотел – о своей любви.

В то время как раз, вышел мультфильм о том, как крокодил влюбился в корову. Они любили цветы и листья, а он читал ей стихи. И пока было лето – они дружили. Но осенью цветы завяли, листья облетели, и корова сказала, что их больше ничто не связывает. И тогда крокодил превратился в зелёный лист. «Если любишь – сделай что-нибудь прекрасное. Стань хотя бы зелёным листом!»

Время – ластик. Время – доктор. Время – судья. Всё может время, но стереть из памяти первое признание в любви оно не в силах. Да, конечно, чувствам нужна пища, поэтому через несколько лет, уже в восьмом классе, Таню заменила другая девочка, а за ней ещё, а потом ещё. Жизнь течёт и всё меняется. Особенно в юности.

Но тот случай на школьной площадке пробудил в его сердце сладкое чувство своей нужности, такое необходимое каждому человеку – веру в себя. И это волшебство хотелось ощутить ещё и ещё. И вот теперь, спустя почти двадцать лет, тот, едва тлеющий, огонёк вспыхнул с новой силой.

Дверь в комнату открылась и на цыпочках впрорхнула, обёрнутая баннным полотенцем, его Лили. С вызовом, в упор глянула на, сидящего там же, где она его и оставила, на краю кровати, Лекса. Он вскочил, обнял её. После долгого поцелуя она приказала отвернуться. Краем глаза он заметил, как что-то упало на спинку кровати. В волнении Лекс избавился от уже мешавшей, не нужной одежды и нырнул в манящий омут...

Спустя некоторое время, через несколько дней, произошёл случай, – незначительный на первый взгляд. Но он довершил развитие их отношений. Так получилось, что Лексу пришлось зайти в магазин, где работала Лили, вместе с женой. Обычно она находилась в подсобке на фасовке, куда Лекс к ней иногда заглядывал. Но в этот раз она неожиданно оказалась в зале, за прилавком. Лексу пришлось собрать в кулак всю свою выдержку, чтобы не выказать своих чувств.

Это было невыносимо: он смотрел на свою любимую, не отрываясь, видел в её глазах то же самое, что чувствовал он сам и не могли сказать друг-другу ни единого слова. Это была неожиданная, страшная мука. Сердце сжималось до осязаемой физической боли. Он не выдержал и выскочил на улицу. Там глубоко вздохнул несколько раз и вдруг почувствовал, как волна радости и счастья накрыла его: он понял, как сильно полюбил эту женщину и тут же ощутил горечь и весь трагизм их положения...

Глава 4

ЛЕКС

"Какой русский не любит быстрой езды" – эта знаменитая фраза Н. В. Гоголя знакома каждому школьнику, но то, как понимал её Лекс, таких «лихих наездников» на этой планете было немного. На своём мотоцикле он не ездил, – летал, привстав на подножках, как его деды – на стременах. Упиваясь скоростью, он пил её жадно, большими глотками, наслаждаясь её сладостным хмелем.

Равных ему здесь не было. Те, кто по незнанию просили подвести их с аэродрома до городка, после полётов, вылезли из люльки очумевшие от страха, качиваясь от чрезмерной порции адреналина и от перегрузок, и больше никогда не просились. Хотя среди них попадались и лётчики. На своих больших тяжёлых самолётах они к высшему пилотажу не были готовы. Только Кит знал, – бояться нечего: никакого риска, только высокое мастерство «пилота», трезвый, выверенный расчёт и более ничего.

На охоте они с Лексом не раз уходили от погони: на запредельных виражах он никогда не сбрасывал газ, а только добавлял. Лётчики – однополчане шутили: «Правильно, так и надо, чтобы не свалиться в штопор». А если кто и просился подвезти, то при условии, что он не будет лететь, а поедет спокойно, как все нормальные люди.

Иногда он уступал просьбам и сдерживал себя, как мог, но получалось всё равно очень быстро и потом приходилось выслушивать нарекания друзей. А посему, по большей, части он ездил один, наслаждаясь «полётом».

Пристрастие к рыбалке ему досталось по наследству, от отца. После окончания академии ВВС он попал по распределению на эту планету. И сразу, после обустройства на новом месте, а они получили квартиру, в новом, только что сданном, доме, как только появилась малейшая возможность выйти на реку, – он помчался со спиннингом. Чем вызвал немалое удивление старожил.

Оказывается такими снастями здесь ловить не принято, потому что всё равно ничего не поймает. Перемёт, сеть, самолов, острога – вот тот набор, орудий лова, которыми здесь промышленляют на реке.

Он промышленлять не хотел. Но желание быть на острие толкало его на путь риска, так как ночные рыбалки на большой реке на маленькой надувной лодке под «прицелом» рыбнадзора очень щекотали нервы.

Осенняя охота с острогой на налима была не так опасна, как рыбалка в ночи на лодке, но по нервному напряжению мало чем уступала. Приходилось прислушиваться к каждому постороннему шуму на реке и прятаться в прибрежных кустах. Как не любил Лекс прятаться, но здравый смысл брал своё.

Осень. Первая осень Лекса на этой планете. Он запомнит её до конца своих дней. Опыт наживался «ишиками и ссадинами». Однажды двое коллег – из старожил – предложили прокатиться на несколько километров вверх по реке за налимом. Почему бы и нет? Само собой он согласился.

За два месяца пребывания на планете он успел уже столько послушаться об уловах коллег по работе, на этом поприще, что уже морально был готов к такому предложению. И не только морально. Сделанную своими руками острогу хотелось испытать. Да и застоявшуюся в жилах кровь немного расшевелить. Лекс отнёсся к предложению с лёгкостью, как к приключению.

Как стемнело – тронулись. Отъехав километров пять по степной дороге, выключили фары и свернули к реке. Не доезжая метров триста, оставили мотоцикл. Забродные сапоги, новенький шестибатарейный фонарь, острога и противогазная сумка через плечо – вот и вся нехитрая амуниция добытчика налима. По воде шли шеренгой. По глубине, в химзащитных штанах, шёл Кыр, рядом в двух метрах Ник. Ближе к берегу шёл он.

Двигались против течения, чтобы муть не закрывала видимость: подходить к рыбе надо с хвоста. Вдали послышался шум. Снизу, со стороны Городка, приближалась моторка. Выключили фонари, насторожились. Немного выждали и убедившись, что лодка умчалась вверх – продолжили.

Вторая половина сентября. Тёплые дни начинают сменяться утренними заморозками. До зимы ещё далеко, но её дыхание с каждым днём становится всё ощутимее. Чем холоднее вода, тем больше малька становится на мелководье, а за ним идут и нельма, и щука, и налим.

Всё предвещало хорошую добычу. И уровень воды, и прозрачность, и фаза луны, и температура воздуха, но рыбы почему-то не было. Наверное ещё недостаточно понизилась температура. Немного, надо подождать.

И вдруг яркий свет в глаза... Путь преградила лодка, стоявшая носом уткнувшись в берег. Что кричали и в кого стреляли – Лекс не знал: бросив острогу, он на одном дыхании взметнулся на обрывистый берег и ещё некоторое время продолжал мчаться подальше от воды. Лишь добежав до каких-то кустов он, как заяц нырнул в них, и затаился. В ушах стучало, сердце колотилось где-то в горле. Неизвестно сколько времени он так просидел.

Лишь немного успокоившись и почувствовав себя вне опасности, Лекс привстал и оглянулся по сторонам. На осеннем небе ярко сверкали звёзды, а вокруг простиралась незнакомая, чужая и враждебная степь. Душиная, пугающая звенящая тишина окутала Землю. Каждая кочка представлялась силуэтом человека.

Где находится мотоцикл, он не знал. Где напарники – тоже. Куда идти? За тот короткий промежуток времени, который он провёл на этой планете, он ещё не успел изучить ближайшие окрестности и совсем не ориентировался в степи. Кричать и звать друзей, он не смел: было опасно.

Глаза уже адаптировались в темноте, пелена страха, застившая их, начала спадать и предметы стали видны более отчётливо. На фоне тёмного, сверкающего звёздами, неба чёрной горой выделялся лес. Когда подъезжали к реке, вроде бы огибали что-то похожее и мотоцикл должен быть где-то там. Лекс весь обратился в слух, стараясь ступать как можно тише,

Медленно, не включая фонаря, который он всё-таки не выбросил, двинулся в сторону темнеющего леса. Через какое-то время, он заметил впереди заросли кустарника, напоминающие те, в которые они загоняли мотоцикл.

Тёплая волна надежды приятно окутала нутро и он зашагал смелее, надеясь, в кустах, найти своего любимого «коня». И правда, на полянке, окружённой зарослями кустарника, сначала блеснул блистер, а затем показался и мотоцикл.

«Ну, наконец-то» – облегчённо вздохнул Лекс. Радостно подойдя, открыл багажник, чтобы уложить туда фонарь и пустую противогазную сумку. Вдруг вокруг всё ожило, задвигалось, и его осветил яркий луч со словами: «Ну, что набегался? Как улов?».

Как из-под земли перед ним выросли три фигуры, двое были в форменных фуражках. Старший неразборчиво представился – такой-то рыб-инспектор – Лекс не разобрал, потому что в ушах опять зашумело. Один из них, в милицейской фуражке, бесцеремонно полез в багажник, извлёк оттуда противогазную сумку. Осмотрев содержимое, бросил на место.

Затем извлёк из багажника нож с рукояткой из козьей ноги – предмет гордости Лекса – вынул из ножен, осмотрел и отложил в сторону, затем вытащил фонарь и после того как убедился, что ни в багажнике ни в люльке больше ничего нет, потребовал предъявить документы на мотоцикл.

Лекс был растерян и ошарашен настолько, что ничего не мог сообразить совершенно и как будто наблюдал за происходящим со стороны. Кто-то произнёс: «Зови своих друзей, они там, в кустах сидят». Он глухим, каким-то чужим голосом стал звать, но никто не отозвался.

Инспектор заполнял протокол. «Зови-зови, пусть идут». Он покричал ещё. И опять в ответ – тишина. Тем временем инспектор подсунил протокол Лексу на подпись, диктуя текст объяснительной: «Я, такой-то, такой-то, с двумя товарищами, таким-то и таким-то прибыл на реку для острожения рыбы, подпись». Нож и фонарь не вернули.

Напоследок, когда Лекс начал заводить мотоцикл, инспектор «по-отечески», сочувственно произнёс: «Колёса у тебя спущены, накачай» и, взяв руку Лекса за запястье, вложил ему в ладонь выкрученные им же nipples и колпачки от колёс и ушли.

Он вставил на место nipples и принялся качать колёса, до сих пор недоумевая – почему не идут его приятели. Закончив работу и изрядно вспотев, Лекс запустил мотоцикл и на всякий случай посигналил, но никто не отозвался.

Только сейчас он с горечью осознал, что его жесточайше обманули. «Клоуны на государственной службе. Вот же суки», – горестно подумал он, – хоть бы накачать помогли». Он покатил в сторону дома. Сначала – не спеша, но по мере того, как холодный ночной воздух отрезвляюще действовал на воспалённое сознание, мчался всё быстрее и быстрее. По щекам текли слёзы, то ли от морозного воздуха, то ли от обиды.

Реальность постепенно возвращалась, а вместе с ней и понимание того, что казённые люди призванные блюсти закон обманули его, воспользовавшись неопытностью. Он понимал, что сам нарушил, но разница между ним и людьми, стоящими на страже закона огромна.

За нарушение надо отвечать по всей строгости закона. Протокол, штраф – понятно, но почему это делается какими-то бандитскими методами. «Разбойники с большой дороги, а не власть», – заключил Лекс.

Лишь подъезжая к Городку, он догнал и подобрал, сначала одного, а за тем и второго компаньона. Обиды на них у него не было. Хотя... Большие с ними никогда не ездил. Вздурженный происшествием, он долго не мог уснуть: жгла обида, злился на свою доверчивость и наивность, любимый нож и новый, только что из магазина, фонарь было очень жаль.

Но уроки даром не прошли. Во-первых – было окончательно подорвано и без того не очень прочное доверие к власти и особенно к её стражам. Это было уже второе соприкосновение с её представителями. Второй урок был более продуктивным – с острожением Лекс завязал напрочь.

В памяти всплыл случай из далёкого прошлого.

Они с приятелем, как и он сам, таким же офицером, как-то, посидев в ресторане и познакомившись с компанией молодых людей, шумно высыпали на улицу. К ним тут же подошли двое, очень серьёзных, постовых сержанта и предложили молодым парням отвалить, а двух девушек оставить им.

Все, конечно, возмутились и пожелали наказать зарвавшихся «блюстителей». В качестве свидетелей девушки попросили присутствовать Лекса и его приятеля. Дружно, и постовые тоже, сели в автобус и поехали в районное отделение милиции, с которого те были.

Приятель отговаривал Лекса вмешиваться в это дело, но тот так был воспитан, что честь дамы и принципы справедливости ставил превыше всего. А здесь была задета и честь дамы и попиралась справедливость.

Дежурный по отделению, майор, и рта не дал раскрыть никому! Приказал всем заткнуться, пока не посадил в «обезьянник». Он внимательно выслушал постовых, которые обвинили молодых людей в нарушении общественного порядка, будучи в состоянии алкогольного опьянения. И выходило, что это ни сами ребята приехали с жалобой, а постовые всех задержали.

Поочередно указывая на девушек и ребят, майор спрашивал у сержантов, в чём именно они провинились. Формулировки были примерно однотипные – громко ругались матом, в том числе и на сотрудников милиции. После каждого «обвинения» майор выносил приговор, не давая высказаться обвиняемым. «До утра в камеру, утром сообщить на работу».

Когда очередь дошла до Лекса и майор, взяв в руки его удостоверение офицера, – спросил у постовых, за что те задержали лейтенанта? Они пожали плечами и не нашлись, что сказать. Но майор, решил ещё немного покуражиться:

– Может его отправить в комендатуру? Что-то от него сивухой несёт, – вслух решил порассуждать тот.

И с мерзкой ухмылкой, мол знай, кто здесь хозяин, отдал документ Лексу:

– Свободен, – лениво, через губу, вложив всё своё презрение, высокомерно произнёс «блюститель».

Приятель дождался в парадном. Увидев Лекса, обрадовался, но не преминул его журить. Лекс, понунив голову, злобно понося, последними словами, майора, согласился. А внутри бушевало. Ещё долго вспоминалась эта грязная, бесчестная процедура и мерзкая ухмылка этой твари – майора милиции.

Во – вторых: во что бы – то ни стало больше не попадаться в «липкие лапы» инспектора. Лекс зарёкся, и научился ловить налима законным способом. Ставя на ночь донки на малька.

Но неужённая страсть к авантюризму лишь на время покрылась пеплом, чтобы в скором времени разгореться с новой силой.

Зимы на планете всегда морозные и снежные. И эта не была исключением. Река покрывалась таким толстым льдом, что по нему стали ходить гружёные лесовозы. Перед ледоставом, в заливишках и затонах со слабым течением появляются забереги, по реке идёт шуга. Вода не успевает так быстро остыть, как воздух и река парит.

Уровень воды в реке, в это время, постоянно меняется, поэтому забереги часто отрываются и по воде начинают плыть тонкие ледяные поля. Они шуришат, сталкиваясь друг с другом, ломаясь, наползая друг на друга. Но проснувшись однажды утром, видишь, – река почти вся покрылась льдом, только на быстринах ещё курятся промоины. Но и они через несколько дней исчезнут.

Неделя, вторая и уже трактор чистит переезд через реку, счищая торосы. А за ним неугомонные, вездесущие рыбаки на мотоциклах. Рыбалка на любой вкус, – кто что любит. Кто на окуня, кто на чебака. Окуня обычно ловят крупными самодельными мормышками на песчаных отмелях. Воды подо льдом не более тридцати – сорока сантиметров, поэтому в полном смысле – блеснить – не получается.

Рыбу дразнят, покачивая мормышку с одетым на крючок ручейником или червяком, которого добывают в незамерзающих родничках. То, опуская, то поднимая приманку, делая паузы. Периодически, кладя и постукивая мормышкой о дно, а то и вовсе давая возможность ей там полежать.

Окунь попадается крупный – до полутора килограммов. Но помногу не ловится. Поймал два-три и можешь собираться домой. Мелочь ходит стаями, можно много наловить, а крупный – одиночка. И клюёт, как правило – ранним утром или на закате. Мороз в это время начинает крепчать – лунку не успеваешь чистить.

Пора сматывать удочку. Ещё пятнадцать – максимум – двадцать минут и... Алый, слегка матовый, будто покрытый инеем огромный диск заходящего солнца упадёт за кусты прибрежного тальника и очень быстро начнёт темнеть.

Через несколько минут стемнеет совсем, но Лекс всё тянет со сборами – а вдруг как раз сейчас случится долгожданная поклёвка и «горбач» навалится своей тяжестью, забьётся, мощными рывками натягивая леску.

Опустив мормышку на дно, и выждав несколько секунд, Лекс, покачивая, слегка приподнял приманку, сделал паузу и в это время, кивок на удилице, сделанный из щетины кабана, переломился пополам, концом глядя в лунку.

Резкая, но очень аккуратная подсечка, и леса зазвенела натянутой струной. «Есть», – молнией сверкнуло в сознании. Взмахом руки, скинув шубницы, нежно, как весенний цветок, держа леску, рыбак стал аккуратно перебирать её пальцами, не замечая мороза. Вода в лунке стала выплёскиваться на лёд, будто её выдавливали поршнем. Вскоре появилась острая окунёвая морда.

Лекс сразу понял – рыба не пролезет в обмёрзшую лунку.левой рукой держа натянутую леску, правой со всей силы вцепился в рыбью голову и с натугой, обдирая пальцы об острые жабры хищника, выдрал рыбу на лёд.

По, уже было начавшему замерзать, телу, прошла горячая волна. На лбу выступила испарина. Руки слегка дрожали. Отцепив рыбу, Лекс быстро бросил мормышку опять в лунку, в надежде, что красавец окунь был не один. Азарт мешает трезво мыслить.

А тем временем опустилась ночь. На горизонте показалась, пробиваясь сквозь дымку оставленную заходящим солнцем и, цепляясь за ветки деревьев, огромная красная, как фонарь, луна. Рядом, в её, ещё не ярком, свете, отсвечивая золотым боком, лежала крупная рыба, за которой он уже давно охотился, но как – то всё не везло. И вот, наконец – такая удача. Он любовался трофеем и очень был горд, тем, что смог поймать такую замечательную рыбу.

Радость светилась на его лице. Он огляделся и только сейчас заметил, что вокруг не было ни души. Лишь продрогший и заиндевельный, на двадцатиградусном морозе, его верный «конь», поблёскивая зелёным перламутром в свете луны, дожидался своего хозяина.

Эйфорию, как рукой сняло. До Городка ещё ехать и ехать – около тридцати километров. Пересечь заснеженный, поросший лесом безлюдный остров, затем – реку по льду, и по трассе ещё до Городка не совсем близко.

Да, была ещё одна опасность – днём мело и могло заровнять дорогу. «Ладно, прорвёмся, надеюсь – мотоцикл не подведёт, заведётся. Мужики недавно ведь уехали. Значит – пробили колею» – подумал Лекс и вдруг заметил животное, которое не спеша, низко опустив морду,

трусцой двигалось в его сторону. Животина напоминала крупного пса. В неверном свете луны, более отчётливо разобрать было трудно.

А мороз крепчал. Трофей лежал застывшей ледяной глыбой. Лекс смотал удочку. Попытался взять голыми руками рыбу, но она настолько уже успела промёрзнуть, и вмёрзнуть в снег, что пальцы примерзали к её телу, как к металлу. Подобрал, разбросанные рукавицы, он быстро сунул в них руки, продолжая боковым зрением наблюдать за осторожно приближающимся псом.

А то, что это был пёс, сомнений уже не было: расстояние до него было метров семьдесят. Схватив трофей у основания хвоста, он, как палицей, потряс им в воздухе, – в рыбе было около полутора килограммов, и звонко зыкнул на пса. Пёс остановился, сел и..., задрал голову, жутко завыл.

Со стороны, темнеющего вдалеке, леса, Лекс заметил, как отделилось ещё несколько чёрных точек, неспешно цепочкой, двигающихся в его сторону. «Волки!» – резанула догадка холодом по спине. Лекс не мог припомнить, чтобы когда-нибудь в жизни так быстро собирал ледобур, как закидывал всё в люльку, он тоже не мог вспомнить.

«Лишь бы завёлся, лишь бы завёлся», – молил Лекс. Первая попытка не удалась. Ускоренный запуск, без подготовки, не удался. Пришлось выполнить всю процедуру запуска холодного двигателя – накачать топливо в карбюраторы, закрыть заслонку, несколько раз качнуть педаль кикстартера, открыть немного заслонку, включить зажигание и лишь после этого пытаться запустить настывший за день двигатель.

Тяжёлый меховой комбинезон, тяжёлые унты с намерзшей на подошвах коркой льда, не давали с нужной резкостью дёрнуть кикстартер и застывший двигатель не хотел проворачиваться с нужной скоростью – ленился.

Лекс был уверен в своём «коне», не зря же он всегда очень тщательно готовил его к зиме. Кроме всего прочего, на воздушный фильтр, чтобы тот не обмерзал, перекрывая доступ воздуха, натягивал женские колготки.

На третьей попытке мотоцикл обнадёживающе фыркнул. При звуке рыкнувшего мотора зверь несколько отбежал. Это очень воодушевило Лекса и он с новой силой, всей массой навалился на педаль стартера. Мотоцикл нехотя, лениво заурчал, но набирать обороты пока не спешил, зато звук работающего двигателя ещё больше отпугнул зверя.

Лекс, застывшими, плохо двигающимися пальцами с трудом натянул на голову шерстяную маску и попытался завязать тесёмки шапки, которую он одел поверх маски, но быстро понял всю тщетность затеи, сунул руки в спасительное тепло меховых рукавиц, лихо оседлал «коня» и газуя помчался домой.

Страх подгонял. В лунном свете придорожные заросли кустарника источали угрозу. У страха глаза велики – гласит старая мудрость. Длинные тени кустов, и толстые стволы деревьев в свете мотоциклетной фары, были похожи на причудливых животных и он ехал постоянно оглядываясь и озираясь по сторонам. Так быстро ездить, как он привык летом, зимой не получалось: снег был рыхлый и мотоцикл постоянно заносило и кидало из стороны в сторону.

Когда они с Китом ставили капканы в пойме реки, поздней осенью, – если высота суровов ещё позволяла ездить, – то заднее колесо обвязывали звеньями мотоциклетной цепи, а вместо колеса на люльку – лыжу от самолёта АН-2. Это когда вдвоём. Сейчас он был один, да и по зимней дороге, хоть и полевой, это было не актуально.

Люлька постоянно то взлетала, грозясь опрокинуть мотоцикл, то зарывалась в рыхлом снегу, тормозя движение. Приходилось – то сбрасывать газ, несмотря на подгонявший страх,

то, наоборот – добавлять, чтобы преодолеть сугроб. Да и мороз обжигал лицо, несмотря на большой блистер и маску.

Лишь вырвавшись из тёмных, пугающих объятий леса, и оказавшись на льду реки, в ярком свете, уже совсем взошедшей на звёздный небосвод, луны, Лекс облегчённо вздохнул и улыбнулся, иронизируя над собой и своими страхами. Напряжение спало. Только сейчас он вспомнил, что видел рядом с лунками след козы. Значит, волки шли по своим делам, а он лишь случайно оказался на их пути.

Он вспомнил о красавце окуне, вспомнил, как тащил его, и это воспоминание очень грело душу рыбака. Вспомнились слова:

«... Я коней заморил, от волков ускакал,
Укажите мне край, где светло от лампад,
Укажите мне место, какое искал,
Где поют, а не стонут, где пол не покат...»

«Эх, Владимир Семёнович, как же тебе тяжело было на этом свете с такой тонкой кожей!» – Эта мысль промелькнула искрой и улетучилась в ночи.

Рыбу поймал, от волков "ускакал" радоваться должен. Ан, нет: точит какой-то червячок. Ах, да – сегодня муж любимой женщины ушёл на дежурство на сутки. Ждала ведь его. А он? Ну, что он сказал бы жене? Да, к тому же сегодня воскресенье.

Её дети тоже наверняка дома. Чем решать такие сложные задачи, лучше поехать на рыбалку, а муж всё равно дома почти не живёт. Или в гараже строит свой «луноход» или на смене на сутках. На неделе легче – на пару часов убежать из дома, чтобы помилиться со своей любимой.

По осени несколько раз Лекс с Китом тоже выезжали на охоту. Дело такое – не предсказуемое. И пустые возвращались, и с добычей. Лекс сам выделывал шкурки. А когда ложился снег, промышляли с Китом по пойме реки. Ставили капканы на лису. Колонка. Хорька. Петли на зайца.

Было шестое января. Подъехали к своему участку на острове. Поднялась вода в реке, и лёд оторвало от берегов в протоке метра на два. Разве это когда-нибудь кого-то могло остановить? Тем более, сегодня, кровь из носу, нужно было проверить участок. Повалили пару не толстых деревьев и хотя они под ногами прогибались, но пройти можно. И не зря: попала в капкан лиса и колонок. Итак, два дня пропустили: со службы не получалось сбежать. Была объявлена тревога. Проверка боевой готовности.

Если вовремя не проверить капкан, то от лисы может ничего не остаться. Мыши мстят своему злейшему врагу. Когда лиса становится беззащитной они накидываются на неё и за несколько дней мало что оставляют. Эту – тоже немного уже успели попортить в районе живота.

Закинув добычу в вещмешки пошли обратно. За это время помост, который они соорудили, обледенел. Первый пошёл Кит – ловко прошёл. Лекс перекинул ему добычу и пошёл сам. Подошва на унтах обледенела да ещё и снег налип. Идти было очень скользко. Лекс шёл приставными шагами и половину пути уже преодолел. Настил под ним скользил и прогибался и Лекс чуть ускорил движение. Нога поехала и тут же он почувствовал, что теряет равновесие. Попытался оттолкнуться, что есть силы, но скользкие жерди и наледь на обуви не позволили это сделать с нужной силой.

Прыжок не удался и Лекс по пояс оказался в воде. Кит помог выбраться на берег. Одежда плотная и насквозь промокнуть не успела, только сверху. Благо – в люльке лежала сменная обувь. Переобувались обязательно, чтобы не спугнуть зверя гаражным запахом.

Утром, когда выезжали было семнадцать минус. К обеду мороз немного спал. До городка около сорока километров. Зимний комбинезон через несколько минут езды превратился в скафандр космонавта и ветер совсем не пропускал.

Мокрые носки в валенках немного согрелись. Через минут сорок добрались в Городок. Кит стащил Лекса с мотоцикла и помог разогнуться и распрямить ноги. Ещё через полчаса он уже ощущал благодать: оттаивал в горячей ванне. Только вот ещё рановато Лекс мечтал о рюмке и горячей еде.

Стук в дверь оповестил о том, что надо вылазить: у товарища неприятность.

– Лекс, дружище, выручай! – обратился к нему, вдруг свалившийся на его голову, весь заиндевелый, приятель. Даже на ресницах иней ещё не успел растаять. – Заглох! Километров семь отсюда. Поехали дотащишь, – с мольбой глядя на Лекса, обратился тот.

– Боб! Ты охренел! У меня вся одежда мокрая, провалился. Только оттаивать начал, в чём я поеду? – заметил Лекс.

– Дорогой, не переживай! Найду я тебе одежду, только поехали, – продолжал канючить приятель, – сейчас принесу. И умчался. Лекс успел обтереться и начал пить чай, но не успел, – примчался приятель с охапкой тёплой одежды.

Бездыханный мотоцикл стоял там же где его оставил хозяин. Пробовали тащить, без результата. С поймы реки в гору Урал Лекса не справлялся даже на первой передаче. Снега! Но его опытный глаз сразу определил причину:

– Боб, у тебя воздухан забит. Ты почему не одел на него бабские колготы? Смотри, – и Лекс показал рукавицей на свой. – У тебя там лёд. Снимай, бензином промоешь и будет тебе счастье, но не долго, до следующей поездки, если меня не послушаешь. – Выдал инструкцию начинающему неопытному владельцу Лекс.

Начало темнеть. Мороз крепчал. Лекс развернулся и светил фарой пока приятель ковырялся с фильтром. В рукавицах не получалось. В перчатках – тоже. Пришлось снять и работать голыми руками. В городок въехали поздно ночью.

Народ бродил по улицам с песнями. Отмечали Рождество. Атеизм атеизмом, а Рождество никто не отменял. Уже наступило седьмое января. Боб нырнул в погреб, вытащил литровую бутылку домашнего вина и банку с салом. Вот и славно встретили Рождество! На следующий день кожа на руках приятеля покрылась чёрными пятнами – обморозил.

Глава 5

ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО

-Лид, а Лид, глянь, глянь, а! – тычет в бок локтем Мила соседку по лавочке, – этот, этот со второй эскадрильи.

– И что ? – вяло, без живого интереса откликнулась Лида.

– Ну, ты чё, Лид, не в курсе, что ли, он же с этой, как её, ну с военторга, с третьего продмага снюхался, ну такая рыженькая, – полу шёпотом, как можно загадочней произнесла Мила, дабы подогреть интерес у собеседницы.

– Да, слышала я. В этом магазине подобралась компашика, ещё та. Все они там не прочь... только мужики на уме, – жёстко, со знанием дела, вынесла вердикт Лида, как прихлопнула мухобойкой надоедливую муху, и лениво добавила: – не люблю я эти сплетни.

-Не, подруга здесь другое, тут роман целый. Такие страсти кипят, прям польхают. Он – то со своей расходится собрался из-за неё, Представляешь? Ой, не могу, ну вот было бы из-за кого, – интриговала Мила.

– Вот кобель, – вдруг, как будто проснувшись, встрепенулась Лидка.

И недоверчиво, сверля, как лазером подругу спросила: -А ты откуда всё знаешь, что свечку держала?

Мила надула губы:

– Ну, ты чё, Лид, я, что выдумывать буду. Мой рассказывал, у него приятель вместе с этим служит в одной эскадрильи.

Лида была не прочь послушать интересные, особенно «сальные» слухи, но относилась к ним с лёгким недоверием и мало того презирала разносчиков этих самых слухов, считая себя выше этого. Поэтому не выдержала и в сердцах выпалила:

– Вот, блин, мужики, хуже баб! Нас осуждают, а самим, чё попало, только дай повод. Как подопыт в своих компаниях, так только о бабах, да ещё кто с кем... Любимая тема.

– Все они кобели, а эта – то, такая на вид тихоня, мужик непьющий работающий, ребяташек двое, а туда же, Ни стыда ни совести, – продолжала Мила.

- Эти военторговские, – Лида гордо выпятив грудь, всем своим видом показывая, что она с этим «обществом» не имеет ничего общего и, пытаясь отделить себя от прочих там всяких, брезгливо добавила:

– Я слышала, они там такие оргии закатывают. С мужиками чужими без меры пьют, а потом кто с кем без разбора. Может, конечно, и врут? Я-то сама не была. За что купила, за то и продаю.

– Да ты чё, вот бабы, не стыда не совести, – осуждающе резюмировала Милка, принимая гипотезу за аксиому, – а этот-то, тоже хорош: недавно только приехали, чуть больше года назад, тоже ведь – детей двое. И о чём только думают?

Кто предполагает, что в маленьком городке у тебя может быть своё личное пространство, что можно отыскать какой-то укромный уголок, где ты мечтаешь побыть с собой наедине, и где ты можешь хоть шаг ступить незамеченным, то это иллюзия и глубочайшее заблуждение. Всевидящее око сплетниц планеты тебя везде достигнет.

Тем более, что уж если попал на язычок к «патрулям нравственности», рассеившимся по многочисленным лавочкам, как на рабочих местах и целыми днями, а порой, складывается впечатление, что и ночами, зорко бдят на «боевом посту», то от их острого натренирован-

ного глаза не ускользнет ни одно твоё движение. Лавочный рентген кабинет. Общественная полиция нравов.

Не устроившись на работу под различными предложениями – нет работы по специальности, нет специальности, а муж на что, голова постоянно болит из-за маленькой зарплаты мужа, дети, климат не подходит, аллергия на пыль, тополинный пух, на соседей, на песок, который везде, на очереди за молоком, на плохую воду, да и просто на работу.

Вот, чтобы не умереть от скуки и чешут языки. Устное творчество бурно процветает. И понеслись слухи из уст в уста. Через неделю идёшь по городку будто голый. Кумушки так сладко, так любезно с тобой здороваются в глаза, а за спиной слышишь шелест злобного шёпота, будто клубок змей шипит. А ты, ты то как?

Хочется подойти и поинтересоваться, может какие-нибудь вопросы неясные накопились о твоей личной жизни, спрашивайте, не стесняйтесь – отвечу, внесу ясность в метущиеся, чужими пробелами, души. Нет у них неясностей: они додумают сами и восполнят все пробелы. Они знают о тебе даже то, о чём ты и сам не догадываешься.

Осенью и зимой ещё куда не шло: темнеет рано. Он встречал её после работы и провожал домой, обходя освещённые улицы. Они медленно брели, наслаждаясь запретным плодом и редкими минутами общения. Но как не старались, а всё равно, нет – нет да и столкнёшься с кемнибудь. Вот им и приходилось изобретать контр меры. Иногда, пока ещё тепло, под покровом ночи увозил её в степь.

В этой части, ещё относительно молодой, планеты нередко происходили землетрясения из-за высокой вулканической активности, поэтому змеи здесь не водились. Из животных чаще всего можно было встретить смешного нелепого зверька, напоминающего смесь мелкого зайца и кенгуру только без сумки под животом.

Ушастый, с короткими передними и несуразно длинными задними конечностями, звёрюшка передвигалась, прыгая на задних лапах. Маленькое приземистое тельце венчал длинный тонкий голый хвост, который заканчивался занятной пушистой кисточкой. Степь была наполнена редкими трелями саранчи, вскриками ночных птиц, да лепетом сухих трав под дуновением, порой налетавшего, нежно ласкающего, ветерка. Осень ещё не знала, что она осень: дни мало чем отличались от летних.

Только ночи перестали быть душными. Воздух сделался прозрачнее и свежее, да звёзды стали ближе и крупнее. Участился звездопад. Рассекая ночное небо проносятся метеориты и, даже порой, хвостатые кометы. Только успевай загадывать желание. От всей этой неземной иллюминации, травы светились серебристыми бликами, создавая загадочный, таинственный полумрак.

На нагретой жарким солнцем поверхности, в высокой траве, вымытой дождями и высушенной палящим солнцем до хруста, под низко нависшим, будто из чёрного бархата, звёздным небом, в полумраке – жаркие поцелуи, любовный лепет сливался с лепетом трав, изнеможение... и счастье. Счастье обладания любимой женщиной. Будто сама природа была с ними за одно и скрывала их за чёрным бархатным пологом от посторонних глаз.

Да, это не твоя, это чужая женщина и счастье, вроде как бы, ворованное, но может от этого оно такое сладкое с долей горчинки. От которой, как они не старались избавиться, никак не могли. Хотя и признаться в этом даже себе не хотели, да и в эти редкие минуты,

под этим бархатным небом, под мириадами огромных ярких звёзд, куда не проникали звуки цивилизации, создавалась иллюзия того, что на этой планете они одни и кроме – никого.

Они понимали всё безрассудство своих поступков, но именно это-то и делало их мучительно счастливыми. Так хотелось вырваться из серой повседневности. Ей за тридцать. Ещё лет пять, в лучшем случае, и уже не то, что полюбить, а никто и не глянет в твою сторону.

Она не давала и не хотела давать отчёт своим поступкам. Жизненный вихрь подхватил и закружил её, так сладко. Пылкие взгляды, нежные слова, стихи, цветы, жаркие поцелуи. Всё, как чудесный сон. Всё то, чего не случилось пережить в молодости с мужем.

Не то, чтобы она не любила его, или муж был груб. Нет! Там тоже были цветы, нежные слова, поцелуи, Но теперь совсем другое. Только этот, внезапно возникший в её жизни, мужчина смог вдруг разбудить её желание личного счастья и довести её чувства до высшей точки накала. Отказаться от этого добровольно не было сил. Не осталось ни силы, ни воли.

Известно, – чем ярче горит, тем быстрее сгорает. Поэтому каждая такая встреча была для них, как последняя. Да, дома семья, конечно, дети. Но переполняющее чувство, вдруг родившееся у них, затмевало всё прочее. Каждая клеточка организма ликовала, пела и трепетала. Кто же виноват в том, что им выпало это пережить? И не понять, что это – горе или счастье. Парадокс ситуации, вся её нелепость заключалась в том, что их счастье делало их близких несчастными.

Они знали, вернее догадывались о бесплатном сыре, но готовы были заплатить любую цену за краткий миг побыть вдвоём. Закон мироздания очень жесток: бери и плати. И не иначе. И если ты считаешь, что Бога нет и всё можно, то ОН тебе докажет, что ОН есть.

И если бы мир был устроен иначе – каждый бы брал, сколько хотел, и не платил. Что случилось бы с ним? Опять Вавилон? Но слава Богу всё устроено правильно. Поэтому, чем больше берёшь, тем выше плата. А ведь надо и отдавать уметь. И в этой жертвенности, может быть, ещё большее счастье. Только постичь это тяжело, да и дано не каждому.

Но кто же задумывается, об этом, когда над землёю так звёздно и весь мир готов обнять и счастье через край. И хочется думать, что всё это будет длиться вечно. И всё готов отдать, чтобы продлить этот миг!

Но в голову не приходит простая мысль, что готов отдать всё, но не отдаёшь ничего, – только берёшь. Это от того, что эмоции и здравый смысл живут очень далеко друг от друга, на разных планетах. И пока миром правят эмоции им не суждено встретиться. Зато с её мужем встретится непременно придётся.

Дуэль

Как-то осенним хмурым, – редкость в тех краях, – утром, Лекс был один. Жена на работе, дети в школе, в дверь постучали. Он открыл. Перед дверью, – вот те на, – стоял муж Лили. Мягко говоря – сюрприз ещё тот. Вид у Лекса был растерянный. Чего, чего, а этого он никак не ожидал.

Он сделал жест, приглашая войти. Рис, так звали мужа любимой, явно не готов был принять приглашение и теперь в его, горящих гневом, глазах, вдруг промелькнула растерянность. Но быстро сообразив, он все-таки вошёл.

Какое-то время они стояли молча, Рис явно оценивал физические возможности противника. Лекс же пребывал в прострации – эффект неожиданности. И вот ведь незадача – по физическим параметрам они входили в одну весовую категорию.

Явных преимуществ ни у одной из сторон не было. Палитра эмоций в глазах Риса, весь его вид – сжатые губы, напряжённые скулы и сжатые кулаки должны были выражать решимость. Показывать его боевой настрой.

Роли обманутого мужа и пойманного любовника могли бы стать сюжетом картин Васнецова и Ван Гога вместе взятых, если бы выплеснуть эмоции в цвете. Для обеих противоположных сторон эти роли были новы. Поэтому они не знали, как вести себя.

Интуиция Рису подсказывала, что любовнику жены, человеку нанёсшему смертельную обиду, удар по чести и достоинству – положено набить морду. Но была одна существенная загвоздка, как не был зол Рис, в нём боролись два взаимоисключающие чувства – желание наказать обидчика и страх получить отпор: Лекс выглядел поплотнее.

Но коль пришёл, ситуацию надо было как-то разгрузить. И, собравшись с духом, Рис, что было силы толкнул Лекса двумя руками в грудь и убежал. Дуэль завершилась после первого выстрела бескровно. Но Рис не был удовлетворён. Он клял себя за нелепое поведение, за неумение жестко покарать человека наставившего ему рога.

Его жгла стыдом та поспешность с какой он бежал, она могла дать повод этому холённому щёголю подумать, будто он испугался, а он ведь не был трусом. После того как Лекс, теряя равновесие, отлетел назад и упёрся спиной в застеклённую дверь, стекло треснуло и вылетело, разбившись. Это был знак. Первый, совсем незначительный, крошечный счёт на оплату «долга». Счёт за своё счастье и за несчастье, которое принёс людям двух семей. За попытку построить своё за счёт других.

Добрые намерения

Дальше пошло и поехало, а точнее понеслось. Всё началось с того, что Лекса вызвал командир и сообщил, что поступила жалоба на то, что тот лезет в чужую семью. Дальше больше. Через несколько дней вечером к ним пришёл заместитель командира по технической части. Дверь открыла жена.

Лекс в это время был на кухне.

-Добрый вечер! В гости принимаете? – раздался знакомый голос.

Услышав голос Лекс весь напрягся, внутренне съёжился и почувствовал, как тело покрывается иголками. Он догадался, что это по его душу.

– Добрый вечер, – поздоровалась жена, – конечно, проходите. Вы наверно к Лексу? – спросила, и не дожидаясь ответа: для неё это было очевидно, позвала мужа:

– Лекс, к тебе пришли! – окликнула Забава.

(На её имя физические законы планеты, почему-то не действовали: оно не сжалось).

– Да, я, собственно, к вам обоим, – отозвался вошедший.

Вышел хозяин:

– Добрый вечер! – хмуро приветствовал он начальника. – Познакомься, – Он сделал неопределённый жест от жены к вошедшему, – это мой начальник, Жак.

– Очень приятно! А я вас знаю, вы с моей женой вместе работаете. Она математику преподаёт – Орна, – заговорил Жак.

– Да, конечно знаю. Коллектив небольшой. Ну, что же мы в коридоре стоим, проходите. Сейчас чайник поставлю, как знала, что гости будут, пирожков напекла, – засуетилась Забава, уже сообразившая – что к чему.

– Ну что вы, не стоит так хлопотать: я по делу.

Начальник Лекса был много старше его. Выше среднего роста, сухощавый. С добрыми, прищуренными, вечно смеющимися карими глазами, на скуластом лице цвета прошлогодней листвы.

Нрава был мягкого. Подчинённые его уважали за знание дела, огромный опыт и выдержку: в редчайшем случае, Жак повышал голос. Нужно было сотворить, что-нибудь эдакое, особенное, проявить особую бестолковость или нахальство.

Этот визит ему самому был в тягость, но деваться некуда. Как старший товарищ, с железобетонными понятиями о нерушимости семьи, да и как начальник, он должен был попытаться повлиять на сбившегося с пути подчинённого, и младшего товарища. Было заметно, что Жак испытывал неловкость: вопрос очень деликатный и «в лоб» решать нельзя.

– Я слышала, у вас дочь на золотую медаль идёт? – обратилась к Жаку Забава. Конечно она всё поняла, и понимала сложность положения начальника.

– Да она у нас умница, – ответил Жак вслух, а про себя подумал:

«И ты умница, как легко повернула разговор.»

– А у вас же ещё двое ребятшек? – опять поинтересовалась Забава.

– Верно, пацаны, – ответил начальник, – а у вас-то, если не ошибаюсь, у самих двое?

– Старший сын и девочка, – отвечала Забава.

Лекс понимал к чему эта прелюдия и нервничал в предчувствии предстоящего разговора.

– Вы ещё молодые, – продолжал Жак, – ещё не поздно на третьего замахнуться.

«Вот шахматист, – подумал Лекс, помятуя о способностях начальника, – с пешки заходит. Тонко.»

Лицо Забавы исказилось в горестной гримасе, в глазах мелькнул недобрый огонёк:

– Этих-то, как без отца растить, не знаю, Лекс уходит собрался, не нужны мы ему, – горестно произнесла она.

– Я что-то такое краем уха слышал, но не поверил. Так что жена правду говорит? – обратился он к Лексу.

Лекс только сжал губы и презрительно – негодуя глянул на жену, всем видом давая понять, что не намерен обсуждать эту тему.

– Ну, понятно! – продолжал начальник, – как детей делить будете? Кому кто достанется?

– Говорит – у него любовь, – противным голосом съехидничала жена.

– А эта-то чем тебе не угодила? Красивая, умница, хозяйственная. Чего ещё тебе надо? Детишек заводит – так любил. Послушай, Лекс, крепко надо подумать прежде чем такие решения принимать. Не даром написано, что семья – это ячейка общества. Это фундамент, основа на чём стоит государство. Что бы не случилось в твоей жизни, единственно на кого можешь положиться – это семья. Ни друзья, ни знакомые, ни тем более любовница. Все разбегутся. А семья никогда не бросит, – закончил Жак.

А сам подумал: «Что же тебе, собака паршивая, ещё надо-то, глаза разуй». Лекс слушал и думал, «Ну как им объяснить, что они говорят всё правильно: он и сам всё это знает, но они не понимают что с ним случилось страшное, непоправимое – он влюбился. Да так, как никого никогда не любил и все их правильные слова сейчас не имеют никакого значения. Всё ничто по сравнению с его любовью».

Ему хотелось только одного, чтобы они отстали от него как можно скорее. Лексу повезло: начальник попался хороший, душевный и мудрый. Ни клятв, ни заверений не требовал.

Жак сообразил, что сейчас давить нельзя: с подчинённым творилось, что-то нехорошее. Взгляд выражал такую неизбывную тоску и отчаяние. Мудрый начальник догадался, что в таком состоянии человек может не контролировать себя и натворить бед и разных глупостей, о которых потом будет сожалеть. А может и того хуже – что-то непоправимое. За свой долгий век он всякое видел. Поэтому даже не дотив чай, быстро засобирился.

– Послушай меня, Лекс, все эти глупости надо выкинуть из головы, о семье надо думать, – прощаясь подытожил начальник, и добавил, – ты мужик грамотный, не глупый, я думаю – ты примешь правильное решение.

И, уже уходя, один на один, – жена осталась на кухне прибрать со стола, – крепко пожимая руку, на ухо добавил:

– Ты их хоть десяток заведи, но семья это святое.

Последняя фраза у Лекса даже вызвала лёгкую улыбку.

– Спасибо, Жак, я подумую. Хороший ты мужик, – ответил он.

Начальники всех уровней кинулись спасать «заблудшую овцу» от морального разложения, спасать ячейку общества. Конечно все они хотели добра и заслуживали, по крайней мере, понимания. Они делали свою работу. Каждый по-своему. Кто-то, как Жак, с душой и пониманием, а кто-то для галочки. Но все они не понимали, что чем больше было давление, тем сильнее сжималась внутри у Лекса какая-то невидимая, но очень жёсткая пружина.

Теперь зам. командира по политической части и секретарь парторганизации решили, что пришло и их время поставить галочку и подстелить себе соломки, на всякий случай, если вдруг, там наверху, спросят: – какую работу они провели, чтобы предотвратить распад советской семьи. Провести, так сказать, разъяснительную работу с морально неустойчивым офицером, который может стать лёгкой добычей для врагов Советской Родины.

Заявились вечером, чтобы застать и жену. После представления, брошенной жены, которое она разыграла перед Жаком, Забава на удивление успокоилась. Такой фортель муженёк выкидывает не первый раз. Блажь. Пройдёт и это. У мужиков такое случается – подвернётся смазливая красотка и всё – любовь. Погуляет, есть домой придёт. Придумали мужики себе отмазку - любовь у них, а кто её видел. Правильно тогда сказал начальник – глупости всё это. Помается дурью и пройдёт. Всё вернётся на круги своя, повернётся колесо Сансары и пойдёт всё опять своим чередом и станет как прежде.

До сих пор «та» была чем-то далёким, эфемерным, не заслуживающим внимания, капризом влюбчивого мужа. Даже ревновать не к кому. Поэтому обстановка в доме внешне оставалась спокойной. Может он в Мону Лизу влюбился, и что же теперь ревновать?

Единственно, что смущало, расстраивало и волновало её – это то, что муж перестал выполнять супружеские обязанности. Раньше такого никогда не было. Когда последний раз он сильно задурил – она забеременела вторым.

А у него и в мыслях не было прикоснуться к ней в постели. Напротив, её попытки призвать его к выполнению супружеского долга невинными шалостями, ласками, кроме отвращения у него не вызывали никаких чувств.

В этот вечер на их головы обрушилась вся бестолочь Системы. Эти неуклюжие, твердолобые посланники морали начали воспитательный процесс с того, что озвучили фамилию его любимой. Вряд ли можно было изобрести что-то более взрывоопасное. В одну минуту

всё полетело в тартарары. Эффект от сказанного был подобен разрыву бомбы в маленьком помещении. Из уст замполита слетело то, что не должно было прозвучать.

Весь установившийся хрупкий статус-кво с шумом рухнул. Не будь озвучена её фамилия, может быть так и держалась бы эта ситуация в более-менее равновесном состоянии. Очень неустойчивом, но тем не менее всё-таки это было равновесие.

Худой мир значительно лучше, чем хорошая война. Но уже ничего не исправить. « Аннушка уже купила подсолнечное масло и не только купила, но и уже разлила». Казалось бы, никчёмная фраза Булгаковского Воланда, а сколько безысходности.

А пружина продолжала сжиматься и чем больше препятствий возникало перед ним, тем ярче горело его чувство, оно толкало его на безрассудные поступки. Зрело ожесточение, росла, как будто ничем не обоснованная ненависть ко всему миру. Хотя любовь должна окрывать, делать человека счастливым и люди хотели ему добра, хотели помочь разобраться в себе, принять правильное решение.

Но выходило всё наоборот. Да и разве могут быть в таких делах советчики? Чем больше пытались залезть к нему в душу, как ему казалось, грязными руками, тем тоньше, чувствительнее становилась оболочка.

Чем глубже он уходил в себя и становился замкнутым и отчуждённым, тем больше росло в нем ожесточение. Это был способ выживания, самосохранения: нервы были на пределе. Чтобы не

свихнуться. Но они, все они продолжали и продолжали топтать, мять, пачкать всё то, что было для него свято и неприкасаемо.

Эти люди, они не имели право произносить её фамилию. Касаться её светлого образа. Кто им дал право лезть в чужую семью? Кто? Скажите – Кто? Но вот они своими грязными ртами посмели... и прозвучала фамилия!

Забава тихо охнула. И куда делась вся её сдержанность, всё её мужество, её здравый рассудок? Её, на генетическом уровне полученная от всех женщин предыдущих поколений, живших в условиях жесточайшего патриархата, мудрость.

Впитанная с молоком предыдущих поколений матерей земли Русской, покорность судьбе, вдруг рухнула и вырвалась на свободу, тот самый страшный бабий протест, который веками таится под спудом и лучше его никогда никому не знать.

Все те душевные силы, которые она брала неизвестно откуда и сохраняла, какой ценой они ей дались, можно было только догадываться. Какая титаническая ежедневная, ежеминутная внутренняя работа души совершалась, знала только она.

После того как взрывная волна оглушив их затихла, повисла такая же оглушительная тишина. Только жалобный «ох» жены нарушил её. Она побледнела и поджав посиневшие губы, свирепо-пристально посмотрела на мужа.

Грозовые тучи, ходившие вокруг да около, сгустились. Отдалённые раскаты слились в один грозный. И вот наконец туча, так долго копившая в себе все громы и молнии, разразилась шквалом.

Лекс только и смог, на выдохе чуть слышно, сказать с такой неизбывной тоской и болью в голосе:

– Ну, что же вы... Эх! Кто же вас просил? Вы же ещё хуже сделали, – произнёс и безнадежно махнув рукой, покачал головой.

Так может говорить раненый воин, предчувствуя скорую смерть.

-Да мы ж не знали, – только и смог пробормотать секретарь, – извини.

Они быстро сообразили, что грязное дело было сделано и им лучше удалиться.

Поспешно, прощаясь на ходу секретарь успел шепнуть:

– Ну ты держись!!!

И Лекс держался, сколько мог. Он был вынужден выслушать от жены шквал нелепых, грязных да и просто мерзких обвинений, какие только может задетое женское самолюбие адресовать своей сопернице.

И каждое слово нестерпимо жгло, терзало обнаженную, и так уже растревоженную донельзя душу. Ему нечем было крыть, – да, он виноват. И, видя его беспомощность, она дала волю, выход, давно копившейся обиде, и с упоением, отчаянием жгла, хлестала словами как могла.

Только обиженная женщина может так изощрённо низвергать соперницу с пьедестала. Мелочно колоть, жестоко унижать. Может оно и не так было бы обидно, если бы в сказанном была хоть капля правды. Но, что бы Забава не говорила, Лекс видел свою любимую совсем другой.

Невозможно укрыться от слов. Боль переполняла, он сжимал челюсти и кулаки. Сердце, то бешено билось, то совсем замирало и прекращало стучать. Ноги подкосились и он, как стоял, так и сполз по стене, нервы сдали и свернувшись улиткой издал горлом какой-то звериный стон: горе было неизбывно. Только слёзы могли облегчить душу. И они сами, произвольно, катились по щекам.

Лекс схватился за сердце. Оно горело огнём и рвалось из груди. Видя такую реакцию Забава испугалась: лучше такой – неверный, чем никакого. И фонтан иссяк. Она взволновалась не на шутку, но что делать она не знала. Сочла, что наверное самое лучшее – это оставить его в покое. Помощь из её рук он всё равно бы не принял.

Через полчаса он поднялся с сухими горящими глазами, шатаясь, добрёл до постели, обессиленный рухнул и мгновенно уснул. Молодой здоровый организм перемолол и эту тяжёлую ситуацию, позволив проспать крепким сном всю ночь. Сработала защита. Но дружина продолжала сжиматься, ища предела.

Казалось бы уже все круги ада были пройдены: по всем инстанциям протацив Лекса. Ан нет. Оказывается и нашим доблестным органам государственной безопасности тоже до него есть дело. А как же! За морально неустойчивыми надзор особый, от них все беды. Это же потенциальный враг, коль самые, что ни на есть, основы государства подрывать, ячейку разрушать удумал. У-у, вражина! Ату его!

С куратором из особого отдела Лекс был в хороших отношениях, даже в приятельских, конечно, если с этими ребятами могут быть такие отношения. Время, нужно прямо сказать, особист выбрал не самое удачное для душевспасительной беседы.

Тут ещё замполит никак не мог успокоиться. После неудачного посещения квартиры Лекса, его терзало чувство не выполненного долга – это раз. А второе – это меленькое, подленькое любопытство. Поэтому он попросил Лекса зайти к нему в кабинет. На редкость непонятливый и чересчур любопытный – наихудшие черты, какими только может обладать человек на этой должности.

Минут сорок он выносил Лексу мозг, пытаясь выяснить, чем одна женщина может быть лучше другой. По нему, так все они одинаковые. Так из-за чего было устраивать весь этот сыр-бор? Живи себе спокойно и не мутни воду в тихом омуте. Наверно под тихим омутом он имел в виду своё подразделение. Вдруг ляжет пятно. Показатели испортит. Придётся получать нагоняй от политотдела.

Почему допустил, недосмотрел, значит – недоработал. Очень не хотелось замполиту всё это выслушивать в вышестоящих инстанциях. Поэтому очень старался узнать, как мозг у Лекса устроен. Чего ждать от него? Какого ещё подвоха? Но как не бился, Лекс со всем соглашался, но ничего не обещал. В конце концов замполит сдался, плюнул в сердцах и отпустил. «Понаедут, тут с академиями – попробуй разбери, что у него в голове».

Лекс не успел ещё толком отойти после замполита. Пружина была уже на столько сжата, что дальше было уже невозможно. И теперь, при любом неосторожном прикосновении, могла только распрямиться. Внутреннее напряжение достигло апогея. Патрон в патроннике, курок взведён. Не подходи!!!

Но куратор этого не знал. Звали его Клим. Увидев Лекса он издали с дружеской улыбкой махнул рукой. Вот сейчас Лексу меньше всего хотелось общения, нужно было побыть одному, Успокоиться. Но было поздно. Он нехотя пошёл навстречу. Пожали руки. Клим доверительно, с участием спросил:

– Ты чего такой смурной?

– Да, замполит почти час мозг выносил, – с неохотой ответил Лекс. – А что хотела? – заинтересовался Клим, пытаясь скрыть свою осведомлённость.

– Послушай, Клим, не валяй дурака, не прикидывайся. Все всё давно уже знают, а уж ваша контора, я думаю раньше всех.

– Работа такая, – смущённо улыбаясь, ответил тот.

– Вот-вот, я надеюсь ты-то хоть не будешь меня воспитывать? – устало спросил Лекс.

Клим, несмотря на то, что рядом никого не было, наверно в силу профессии, наклонился совсем близко к Лексу и начал говорить, как можно непринуждённо:

– Если по-дружески, – начал он, – то я, честно говоря, не совсем тебя понимаю. Я же видел твою жену. Мы даже немного пообщались. Очень симпатичная и не глупая женщина, – мой пацан у неё в нулевом – и приятная такая. А в той-то что? Я её тоже видел...

Лекс побледнел, сжал кулаки, весь задрожал и не дав, Климу закончить, тихо, но угрожающе выпалил:

– Да я, за неё... Родину продам.

Особиста отбросило, будто и в самом деле, какая-то пружина распрямилась внутри Лекса и с силой ударила Климу в грудь. С испуганным лицом, в глазах ужас, Клим издал хриплый звук:

– Ты мне этого не говорил. – И, еле переведя дух, добавил:
– Я этого не слышал. Ты, Лекс, с этой любовью совсем рехнулся, – выпалил особист и... исчез.

Фраза вылетела как пуля, как последний аргумент в защиту своей любви. Вылетела она специально для Клим, для особиста, который попытался под прикрытием дружеских отношений влезть в душу и для которого страшнее признания не могло быть.

Зато Лекс почувствовал такое облегчение и удовлетворение, как будто бы поставил жирную точку в своих мытарствах. Для него самого это был последний и самый весомый аргумент защиты.

Ему казалось, что после этого признания, уже никто не посмеет даже приблизиться к нему. В тот момент он даже не задумывался, как это может сказаться на его службе. В минуты наивысшего напряжения людям, как и животным загнанным в угол, характерны неожиданные поступки.

Ведь Клим, наверняка, обязан доложить по команде о ЧП, не беря в расчёт фразу, которая у него вырвалась, о том, что он не слышал от Лекса крамолы. Скорее всего – доложил. Служба такая. Когда, уже много позже, Лекс должен был идти на повышение – пошёл другой.

КУХНЯ

Только редкие встречи с любимой были отдушиной, спасительным бальзамом. Только в её объятиях он находил утешение. Он жил от встречи до встречи. Но они были так редки. Апатия и равнодушие стали постоянными спутниками. Больше всего угнетала безысходность. Он находил возможность хоть на пару минут забежать к ней в магазин, хоть глянуть, хоть обмолвиться парой слов. Последний раз, когда он с ней виделся, бросилась в глаза перемена, произошедшая с Лили.

Обычно сияющие глаза и лучезарная улыбка навстречу ему, сегодня поблекла, выглядела жалким подобием. Лекс догадался, что у неё дома тоже не всё спокойно – муж покоя не даёт. Тяжело ей приходится. Покрасневшие глаза и радужные круги выдавали недавние слёзы. Нежная, грустная улыбка – ком к горлу от жалости, заставляли Лекса страдать ещё сильнее, обвиняя во всём себя. В одно из посещений Лили обратилась к нему, как обычно:

– Привет, как ты? Выглядишь не очень, – сочувственно произнесла она.

В ответ Лекс попытался шуткой поддержать любимую:

– На меня говорит, ты на себя-то в зеркало глянь! – с грустной улыбкой произнёс он, и уже совсем печально участливо спросил:

– Что, сильно достаёт?

Лили отмахнулась и помотала головой, давая понять, что об этом не стоит и вновь заговорила с просьбой:

– Знаешь, Рис хочет с тобой поговорить. Приходи к нам, – она на секунду задумалась, – сегодня понедельник, в среду, часов в семь. Он с ума сходит, меня терзает и сам терзается. Приходи. Он очень страдает, мне его жалко. Он хочет всё прояснить для себя. Он любит, что была ясность, всё по полочкам. Хочет понять, как всё произошло.

Лекс немного сконфузился:

– Если честно, я очень плохо представляю, чем я смогу помочь и, вообще, как это будет выглядеть? Это же дурдом какой-то, – попытался отшутиться он.

– Не переживай. Он уже немного поостыл, по сравнению с первыми днями. Ох, и буйствовал, думала побьёт. Даже бельё моё изорвал. Да, и мне твоя поддержка очень нужна.

Сил нет никаких, изо дня в день одно и тоже выслушивать, – какая ужасная у него жена, изменщица. Приходи, я очень надеюсь на тебя, – сказала и жалобно посмотрела на Лекса.

Он готов был сжать её в объятьях, лишь бы она так не смотрела, но на них и так уже косились.

– Хорошо, моё солнышко, приду обязательно, – твёрдо пообещал и тихонько незаметно сжал ей руку, пока никто не смотрел в их сторону.

Хотя, что было скрывать, все всё знали, особенно её коллеги. Одно слово Городок.

Вечером Лекс оделся, как в театр. Он по другому и не умел. Ещё со школы их приучали к галстуку. Свежая рубашка, костюм. Жена поправила галстук. Она знала куда он идёт и возлагала тайные надежды на эту встречу. Осмотрев, по-деловому провожала, вздохнув:

-Ну, иди, уже.

Лекс шёл не спеша, обуреваемый сомнениями, но его просила Лили и конечно он не свернёт. Пойдёт до конца. Надо отвечать за свои поступки. А вот и знакомая дверь. За ней его любимая и... её муж. Сколько раз с колотившимся от предчувствия счастья, сердцем он проскакивал в эту, чуть приоткрытую, дверь.

А теперь Лекс стоял перед ней в нерешительности. Он постучал. Дверь открыла Лили. Уставшая, измотанная нескончаемыми вопросами, с запавшими глазами. За эти пару дней Лексу показалось, что она постарела. Свежести лица как не бывало, взгляд потух, стал ещё грустнее.

Знакомый ему домашний халатик из тонкой яркой материи едва прикрывал попку, небрежно запахнут на груди, удерживался тонким пояском. Сколько раз он падал с её плеч ему под ноги, но сегодня Лекс даже не подумал об этом.

Хотя поймал себя на мысли, что наряд не соответствует цели визита. «Ну, женщина, всегда остаётся женщиной!» – подумал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.